

Б. Конофальский ИНКВИЗИТОР

Божьим промыслом

ЧАСТЬ 12

СТРЕМЕНА
И ШПОРЫ

Борис Конофальский

**Инквизитор. Божьим
промыслом. Стремена и шпоры**

«Автор»

2023

Конофальский Б.

Инквизитор. Божьим промыслом. Стремена и шпоры /
Б. Конофальский — «Автор», 2023

Герцог возложил на барона непростую задачу: удержать вольный город до весны, пока не будет собрано войско. Но как удержать город, когда городские нобили уже решили выйти из-под руки курфюрста?

Борис Конофальский

Инквизитор. Божьим промыслом. Стремена и шпоры

Стремена и шпоры

Глава 1

Эти мысли не покидали его. Барон думал о предложении Сыча, даже когда вернулся к себе. Гюнтер помог ему раздеться, а Томас принёс ещё дров и теперь ворошил угли в печи и готовил грелку для перин. На улице было холодно и ветрено, в печной трубе подвывал проклятый северный ветер, заодно со сквозняками выдувая тепло из дома. Генерал переоделся, надел шерстяную рубаху для сна и каль на голову, в общем, уже был готов лечь, но сон к нему и не думал идти. Мысли, мысли, мысли... Они не отпускали его голову, заставляя хоть и немного, но волноваться, и тем самым отгоняя сон. А ведь брат Ипполит уже лет пять назад говорил ему не думать о делах перед сном.

– Томас! – Волков вытянул ноги к огню и положил левую, больную, на маленький пуфик с подушечкой.

– Да, господин, – молодой слуга отложил кочергу.

– Разогрей вина с корицей.

– Господин, – обратился к нему Гюнтер. – Может, желаете ветчины? Ещё остался хороший кусочек.

– Да, порежь..., согласился господин, – и ложитесь спать, сегодня вы мне больше не понадобится. Не то чтобы он сейчас хотел есть, но пусть ветчина будет.

Слуги закончили свои дела и ушли, оставив его одного. Печка давала тепло, нога не болела, в перинах лежала горячая грелка, в стакане грело руку тёплое вино с корицей, а с тарелки благоухала и вправду неплохая ветчина. Ему было тепло и уютно, хотя за окном бушевал ветер. Ночь. В общем, самое время как следует всё обдумать. Подумать о том, что предлагал ему Фриц Ламме. Мысль у Сыча, чего уж там скрывать, была как минимум интересна, но и опасна. Поди угадай наперёд, как всё обернётся. Не выгорит дело, почувют горожане что-нибудь, так всё закончится именно тем, чего он больше всего опасался. А именно восстанием в городе. И тогда строй солдат в колонну и пробивай себе дорогу к ближайшим воротам, оставляя трупы и пожары за собой. Нет, в том, что его люди пройдут через город жирных купчишек, как горячий нож через масло, генерал не сомневался, но ведь герцог послал его вовсе не за тем, чтобы взбесить горожан. Не за тем. Да и попробуй ещё угадай, когда горожане поднимут оружие. Может так случиться, что ему до своих солдат и добраться не удастся. Да и его офицеры, чёртовы любители комфорта, разбрелись по квартирам, и в бараках с солдатами находится всего пара дежурных командиров. Это не дело. С этим, конечно, нужно будет что-то решать. Так что... Интересное предложение Фрица Ламме нужно будет обдумать, чтобы избежать любого риска. А может, и вовсе не затевать суеты, если станет понятно, что риска не избежать. Может, и вправду лучше для него будет просидеть спокойно до прихода цу Коппенхаузена, а уже как тот придёт, так и камень с плеч. И за этими мыслями барон просидел долго.

Огонь в печке догорел, лишь краснели угли, вино в стакане закончилось, и ветчины на тарелке стало меньше. Доедать он её не стал, чтобы не объедаться на ночь, дабы дурные сны не мучали. Пусть слуги утром съедят. Сам он в постель ложился, ещё не зная, как быть с тем, что придумал Сыч. Риск был, но в случае удачи... О, ему бы не пришлось здесь сидеть до мая. Да и денежные его дела во многом поправились бы. И только ради этого можно было попробовать. К тому же и герцог был бы доволен.

И, засыпая, он думал о том, что ничего пока предпринимать не будет, ну разве что сделает первый шаг. Шаг, ни к чему не обязывающий, который горожане уж точно не смогут назвать делом недружественным и который никаких дурных последствий за собой привести не сможет. А скорее, даже наоборот.

Лёг поздно, зато встал рано и был рад тому, что спал хорошо и ни разу за ночь не проснулся. А в иные ночи просыпался даже оттого, что переворачивался с боку на бок. Разбудили крики молочника за окнами. Валяться не стал, всё ещё в голове были вчерашние мысли, и они покоя ему не давали. Позавтракав мягким сыром и свежим хлебом, и кофе со сливками, ещё затемно выехал в бараки. Ехал по уже проснувшемуся городу, хотя во многие места его ещё не проник ни один солнечный луч. Но, несмотря на это, Брюнхвальд был уже при солдатах и с ротными командирами выдавал корпоралам провиант для завтрака.

Волков посмотрел немного на это, прошёлся по казармам, оглядев быт своих людей, вернулся к офицерам и, не отводя своего боевого товарища в сторону от подчинённых, произнёс:

– Полковник, доведите до сведения офицеров, что с сегодняшнего дня половина ротмистров должна ночевать тут, при ротах, одна из рот доспехов на ночь пусть не снимает, при лошадях должна быть дневная норма фуража.

Офицеры, занимаясь распределением провизии, очень внимательно слушали, о чём говорят командиры. И Волков не собирался их разубеждать, что дело серьёзно. Это хорошо, что слушают, значит, будут настороже и в таком же состоянии будут держать младших чинов. А генерал ещё и добавляет:

– Помимо ротных офицеров, пусть обязательно кто-то из старших неотлучно пребывает в бараках. Вы, Роха, Дорфус или Рене должны находиться при людях неотлучно. И неплохо было бы, если бы наш кавалерист тоже тут чаще бывал.

– Ротмистр Юнгер жилья в городе себе не снял, – заверил генерала Карл Брюнхвальд, – как и наш арбалетчик ротмистр Кальб, они здесь проживают, при людях своих, – тут полковник понизил голос и, чуть наклонившись к генералу, добавил с грустной улыбкой: – Видно, на содержание герцога не разгуляешься.

Волков понимающе кивнул:

– Так даже и лучше.

После он нашёл себе светлое место в бараке и просил принести бумагу и чернил. Сел писать письма.

Писал он два письма, одно барону фон Виттернауфу, близкому к герцогу человеку и своему приятелю, а второе самому курфюрсту. Письма по смыслу отличались мало, разве что Виттернауфу он писал более открыто, как пишут другу, без ритуальных фраз и лишних вежливостей, но суть у обоих писем была одна: в городе дела плохи, народ злой, и его встречают на улицах протазанами; и чтобы как-то улучшить отношения с городом, было бы неплохо продать земельки за рекой, которая так нужна бюргерам для новых складов и пристаней. И цену город за ту небольшую землю готов платить хорошую, даже щедрую, и по его пониманию, то был бы добрый шаг со стороны герцога. И если его уполномочат, он будет ждать от герцога юристов, вместе с которыми подготовит купчую. Волков заверял Его Высочество, что в случае согласия не поступится интересами Ребенрее. А барону приписал, чтобы тот уговорил герцога на продажу земли, и пообещал ему за то благодарность от себя.

Перечитав письма еще раз, барон отправил их на почту, а не со своим гонцом, понимая, что содержание их будет известно бургомистру тотчас, как о них узнает почтмейстер. В этом и была суть писем: он хотел, чтобы бургомистр почувствовал в нём союзника в вопросе покупки земли, и пока сей вопрос не разрешится, не позволял местному люду задирать военных Волкова. Генерал понимал, что через неделю или две придёт от герцога ответ, и, судя по разговору с городским головой, ответ будет отрицательный, но у него будет целых две недели.

Две недели. Пустяшный срок, если что-то собрался делать, и огромный срок, если ничего не делаешь, а просто ждёшь чего-то, например маршала цу Коппенхаузена с войском. И он опять вспомнил свой ночной разговор с Фрицем Ламме. И, как и прошлой ночью, он подумал, что если даже и не решится провести подобный фокус в городе, то уж от первого шага ничего плохого произойти не может. И тогда, ещё немного поразмышляв, он позвал к себе Максимилиана и фон Готта.

Молодые офицеры явились сразу. Опытный, уже заматеревший в войнах Максимилиан был года на три старше, но высокий и ловкий Людвиг Вольфганг фон Готт мало чем уступал прапорщику во владении мечом и всяким другим благородным, белым, оружием.

Оба были неглупы, а фон Готт к тому же был четвертым сыном благородной фамилии. Соответственно, ни на землю, ни на титул он рассчитывать не мог, но образование юноша получил соответствующее. И мог запросто вести себя в обществе, чему грубоватому Максимилиану Брюнхвальду можно у него было и поучиться.

– Генерал, – прапорщик Брюнхвальд поклонился.

Волков несколько мгновений смотрел на молодых людей, как бы оценивая их, и потом произнёс:

– Господа, вы ведь лучшие фехтовальщики в нашем отряде.

Фон Готт и Максимилиан переглянулись, а потом фон Готт отвечает:

– Ещё капитан Франц Нейман весьма неплох, и наш Хенрик тоже. И фон Флюген тоже, хотя и молод.

– Фон Флюген? – Максимилиан взглянул на товарища и усмехнулся. – Я бы не решился отнести его к хорошим бойцам.

– Ну почему же? С копьём или с алебардой он очень проворен, – не согласился с прапорщиком Людвиг фон Готт. – К тому же он совсем молод. Он моложе всех нас.

– Вот поэтому я бы и не согласился, – настоял Максимилиан.

– Господа, господа... – генерал жестом прервал их. – Речь сейчас идёт не о том, кто из вас лучше, а кто хуже. Мне нужны два самых умных. Поэтому я и позвал вас.

Молодые офицеры опять переглянулись, видно было, что им приятен этот комплимент. Но они не понимали, что от них нужно генералу. И тот пояснил:

– Я хочу, чтобы вы отправились к собору Непорочной девы, там, где-то рядом, есть школа фехтования. В этой школе собираются люди нашей веры, которые любят оружие и поединки, – Волков сделал паузу.

– Мы знаем, кто ходит в фехтшULE, господин генерал, – заверил его Максимилиан.

– Вот и прекрасно, – произнёс Волков. – Пойдёте в ту школу, – он замолчал и думал, как лучше объяснить молодым людям задание.

– Нам нужно кого-то вызвать на поединок? – предположил фон Готт.

– Убить кого-то? – догадывался прапорщик.

Волков только махнул на них рукой раздражённо:

– Кажется, я зря посчитал вас умными, – и, видя, что теперь они молчат и готовы слушать, продолжил: – Пойдёте в ту школу и попросите мастера взять вас. Дескать, гарнизонная служба – это сплошное уныние. И вы хотите хоть чем-то себя занять. Вот и пришли поучиться у местного мастера. Ну, например, вы, Максимилиан, хотите отточить навыки работы с мечом и баклером.

– Я предпочитаю меч и кинжал, – заявил прапорщик.

– Хорошо-хорошо, с мечом и кинжалом, – согласился генерал. – А вы, фон Готт, с чем пожелаете поработать в фехтовальном зале?

– Мне всё равно, господин генерал, хоть с мечом и баклером, хоть с молотом, хоть с алебардой; чему мастер может научить, тому я и буду рад, – отвечал фон Готт. – Только я не пойму, какая наша цель. Вы хотите что-то выведать в той школе?

– Да что я там могу выведать в этой школе? – барон даже усмехнулся. – Нет, господа. Ничего вам там выведывать не нужно.

– А зачем же нам туда идти?

Наконец Волков сформулировал для этих молодцов задачу:

– Мне нужно, чтобы вы подружились с молодыми людьми, которые туда ходят, – он чуть подумал и добавил: – Да и с немолодыми тоже. Там всяких возрастов любителей в достатке.

– Ах вот оно что! – понял фон Готт. – Нам надобно подружиться с ними, а не задирать их. Так это ещё проще.

– Ну уж и не знаю, будет ли это проще, – с сомнением произнёс Максимилиан. – По мне, так затеять ссору – нет ничего легче.

– Вот именно, – поддержал его барон. – Тут вам потребуется и хитрость, и терпение, и чувство такта. Особенно вам, фон Готт.

– Мне? – удивился тот. – А почему особенно мне?

– Вы человек высокородный, а в подобные школы ходят и пекари, и трубочисты. Будет ли вам по силам пропускать удары от бургеров и потом не злиться на них? Улыбаться им, да ещё пить с ними воду из одного ковша, там же столы не сервируют, все пьют из одного ведра, коли жажда одолевает.

– Я много раз бывал в разных школах, я всё это знаю – и знаю, что среди бондарей бывают людишки, которые похрабрее многих благородных будут, – важно отвечал Людвиг фон Готт, – и я, как вы, господин генерал, выразились, не дурак, понимаю, что всё это какая-то военная хитрость. А раз так, то я для дорогого дела и за стол с бургером сяду, и руку любому свинопасу пожму.

Это было как раз то, что Волков хотел от него услышать. Ну а насчёт Максимилиана барон даже и не сомневался. Он полез в кошель и достал два талера.

– Все школы платные; вот это вам, думаю, что этого хватит на неделю, а дальше будет видно.

Максимилиан с поклоном взял деньги и тут же одну монету отдал товарищу. Они поклонились и готовы были уйти, но барон остановил их и напутствовал:

– Господа, не ждите ласкового приёма, вам в этой школе будут так же не рады, как нам не рады в этом городе.

Молодые люди понимающе кивали, а барон продолжал:

– Если кто-то вас оскорбил, вы кланяетесь и уходите, если кто-то будет вас вызывать на поединок, вы кланяетесь и уходите, если какой-то задира будет говорить вам, что вы трусы, вы отвечаете, что я вам настрого запретил принимать вызовы, после...

– Кланяемся и уходим, – догадался Максимилиан.

– Именно. Мы, конечно, хотим завести здесь друзей, но главное – это не допустить свар между нами и горожанами. Помните, мы тут не в гостях.

– А может, раз они так на нас злы, нас и вовсе не примут в эту школу, – предположил фон Готт.

Волков на секунду задумался, а потом произнёс:

– Полагаю – примут. В школах заправляют мастера, а им нужны деньги, а ещё им нужны хорошие ученики, которыми они могут похвастаться; для этого они и турниры устраивают, а вы, насколько я могу судить, бойцы хорошие. Так что вам не откажут.

– Не откажут, – заверил его Максимилиан. – Нас с фон Клаузевицем, с покойником, да примет Господь его душу, в Ланне приглашали во все школы, чтобы посмотреть на нас. На наши приёмы. Я же у него тогда учился, я помню, его буквально за руки тянули. Просили его: приди да просто выйди против меня.

– Верно, верно, – заметил Волков. – Так что в школу вас, думаю, примут. А за Клаузевица, Максимилиан, зайдите в церковь, поставьте свечу и прочитайте молитву.

Глава 2

Как они ушли, он всё ещё вспоминал редкостного храбреца и настоящего рыцаря Георга фон Клаузевица, даже прочёл короткую молитву в его имя. Но потом, подумал, что если дело с фехтшULE «Непорочной девы» как-то начнёт складываться, ему потребуются ещё и другие, местные люди. А таких людей как раз знал человек, в котором рыцарства и полкапли было не наскрести. И тогда он позвал к себе фон Флюгена. Генералу нужен был хранитель имущества Его Высочества Карла Оттона Четвёртого в городе Фёренбурге и окрестностях Хельмут Вайзингер.

– Найдите мне его, фон Флюген, скажите, что я его жду в казармах, – распорядился генерал.

И когда молодой человек уехал, сам отправился обедать в неплохую харчевню. Но не в ту отличную, в которой его недавно угощал бургомистр. Так далеко от барачных со своими солдатами, признаться, генерал отъезжать опасался. Он ещё не успел отобедать, когда вернулся фон Флюген и доложил, что нашёл хранителя имущества и тот клялся, что уже вскоре будет в казармах.

Вайзингера пришлось прождать почти до вечера, уже смеркаться начало, прежде чем он появился с одним из своих помощников, с тощим приказчиком по имени Вельснер и с тремя большими телегами хорошего бруса и плохих досок. Он думал, что генерал зовёт его, чтобы устроить выволочку, так как в казармах всё ещё не было нужного количества спальных мест для солдат, посему после поклонов стал уверять Волкова:

– Вот, досочки завёз, а завтра уже будут плотники с утра, начнут работать. Будут людям вашим кровати. Вельснер, спроси у солдат, кто желает подзаработать и выгрузить дерево?

Человек пошёл к солдатам, а Волков тем временем, мрачно осматривая привезённые доски, только и сказал:

– Горбыли.

– А ну и ничего, – сразу отвечал хитрец, – сверху на них тюфячок положить, солдат и не заметит, что на горбыле спит. Мягко будет. А тюфяки соломенные я уже тоже заказал, сорок две штуки.

Генерал не стал цепляться: солдатам, людям, которые, наверное, четверть жизни своей спали на земле, даже и горбыли, если они под крышей и рядом с печкой, покажутся настоящей постелью. Он только заметил:

– Тогда уж проследите, чтобы в тюфяках было достаточно соломы, я прикажу офицерам тощие тюфяки не принимать.

– Слушаюсь, прослежу обязательно, – обещал Вайзингер, и кланялся, и кланялся.

Вот только поклоны эти казались Волкову наигранными. Впрочем, барон звал его не для того, чтобы смотреть привезённые доски; он пошёл в конец барачных, который всё ещё был забит каким-то товаром, остановился напротив плотных тюков шерсти, что были уложены под самый потолок, и спросил:

– Чьё это?

– До конца недели я всё вывезу, – тут же отозвался хранитель имущества Его Высочества.

Волков посмотрел на него осуждающе и уточнил:

– Это ваш товар?

– Признаться, нет, – отвечал Хельмут Вайзингер. – Я взял его на хранение.

– Так чей же он, кто его хозяин?

– Это... Это товар «Вязаных колпаков».

– «Вязаные колпаки» – это... воры? – пытался вспомнить генерал.

– Не совсем, – отвечал хранитель имущества. – Это коммуна, они живут у стены и за стеной, в основном это портовые грузчики, и не только портовые, – и тут он словно вспомнил: – К тому же туда входят многие возницы. Это уважаемая коммуна, там много людей.

– Уважаемая коммуна, но приворовывает, – усмехался Волков.

– Не без этого, не без этого, – кивал Вайзингер. – Уж ежели в городе столько разных товаров, что-то обязательно останется у тех, кто те товары грузит и у тех, кто их возит.

– И кто же глава этой коммуны?

– Официально это Курт Нерлинг. Он и в сенате от коммуны заседает, – тут Хельмут Вайзингер понижает тон почти до шёпота: – кстати, это он меня просил поддержать их товар. Но заправляют в коммуне Эрвин Болтун и его брат Карл. Гляйцингеры. У них есть ещё четыре брата, но те в дела гильдии не лезут, занимаются своим делом. Семейка в городе влиятельная, братцы – люди суровые. Как-то лига Реки...

– Это, кажется, купеческая лига, – вспомнил Волков.

– Да, одна из богатейших купеческих лиг города, купчишки из лиги на всей реке заправляют, отсюда и до самой Эксонии на востоке, до Холодного моря на севере. Так вот, они задумали «Вязаных колпаков» поприжать, когда один раз у одного из купчишек, с его баржи, украли крашеного синего сукна на тысячу двести талеров. И грешили как раз на «колпаков». Так вот, «речники» уговорили бургомистра, и тот стал хватать ребят из коммуны и сажать их в подвал, так «колпаки» отказались загружать и разгружать все лодки «речников». Да ещё подбили людей из гильдии извозчиков и тачечников, чтобы те тоже «речников» обслуживать не стали, а тех, кого купчишки нанимали лодки разгружать, ещё и били немного. Купцы из гильдии намаялись – торговля-то стоит, – вот и пошли на попятную, всех отпустили.

– А эта Лига реки, – вспоминал генерал, – они же... кажется, сплошь еретики.

– Все до единого безбожники! Они же с кем торгуют? С Эксонией да с нижними землями, а там как раз рассадники еретические.

– А эти «колпаки» – они-то хоть истинной веры?

На этот вопрос хранитель имущества ответить не смог.

– А вот этого вам точно не скажу, люд там разный, большая часть вообще за стеной живёт, кто их там знает, в какую церковь они ходят. Но на шествиях своих наших святых они носят. В прошлый год святого Амвросия несли, было дело.

– А эти самые тачечники? Они тоже носят святых?

– А вот про них я и этого не скажу, – Вайзингер подумал немного и продолжил: – Нет, не вспомню.

Зато Волков многое помнил, он прошёлся дальше, указал на связки очень неплохих хомутов и произнёс:

– Если мне не изменяет память, эти хомуты принадлежат некоему кривобокому господину.

Поразившись такой памяти генерала и ещё раз убедившись, что такому палец в рот не клади, ловкий человек Хельмут Вайзингер ответил:

– Точно так, господин барон, их мне сюда привёз на хранение Мартин Гуннар, которого злые языки прозывают Кривобоком.

– И он глава гильдии тачечников?

– Председатель гильдии, – поправил генерала хранитель имущества.

Генерал поглядел в тёмный конец барака, забитого всякой всячиной, и произнёс:

– А товаров тут ещё много.

– Много, много, – сокрушался Вайзингер. – Теперь ишу хорошие склады, да они все так дороги.

– Эти воры – тачечники и «колпаки» – к вам и обратились, потому как дёшево у вас было. А скорее всего, вы сами им и предложили, и денежки вы за хранение, конечно, взяли вперёд, – подытожил генерал.

– А что делать – жизнь как поток, и бедной малой рыбе, чтобы не быть съеденной рыбами большими, приходится извиваться угрём, да ещё и умудряться при том не злить начальство...

– Замолчите! – Волков даже поморщился. – Не смейте при мне причитать и философствовать! – он пару секунд смотрел на хранителя имущества. И наконец сказал: – Товары вы тут можете оставить, – и добавил: – Пока.

– Ах, как я вам признателен! – хранитель имущества даже руки сложил молитвенно.

– Признательностью вы своею не отделаетесь, – вразумил его барон. – А хочу я, чтобы вы организовали мне встречу с этими людьми.

– С какими? – удивился Хельмут Вайзингер.

– С Мартином Гуннарсом Кривобоком и с братьями Эрвином и Карлом Гляйцингерами.

– Ах, какая это прекрасная мысль! – воскликнул хранитель имущества. – Можно заказать стол в «Райских кушках» и как следует там отобедать. Думаю, эти господа обязательно придут, если узнают, что вы их приглашаете, хотя многие в городе вас очень не любят.

– Никаких «Райских куш», – строго произнёс генерал. – Дело это должно быть тайным.

– Ах вот как?! – удивился хранитель имущества.

– И пока я вас о том не попрошу, никому никаких встреч не предлагайте, – генерал чуть подумал. – Но вы и вправду думаете, что эти господа согласятся со мной встретиться?

– Ну..., – Вайзингер помялся. – Мне так кажется. Ведь если так рассмотреть, то этих господ на городских пирах не шибко жалуют, даже и близко к середине их за столы не сажают, а ведь «Вязаные колпаки» – крупнейшая коммуна в городе, а тачечники так вообще на городских шествиях идут только перед трубочистами и золотарями. Даже красильщики идут впереди них.

Барон отпустил хранителя имущества Его Высочества, а сам опять стал думать. Нет, он ещё ничего не решил, тем более что план, предложенный Сычом, выглядел грубо и, как говорят, был шит белыми нитками. Его легко можно было раскрыть, слишком было всё очевидно. Но, думая о нём и получая информацию о городских делах, Волков постепенно начал складывать всё это в замысел. В замысел тонкий, изящный, почти невидимый.

Никто не осмеливался к нему подойти, солдаты смотрели с уважением и сторонились, офицеры не смели мешать, даже Карл Брюнхвальд не тревожил его, видя, что генерал ходит по казарме и двору перед ней, о чём-то напряжённо размышляя. А вот один из кашеваров, что варил ужин для солдат, был не столь тонок и деликатен и в полушутливой форме предложил:

– Господин генерал, не изволите ли гороха со шкварками, жареным салом и чесноком?

Хенрик, неотступно следовавший за генералом на небольшом расстоянии, уже хотел рывкнуть на того, но барон остановился и спросил:

– А у тебя есть чистая чашка?

Волков был немного раздражён тем, что его отвлекли от раздумий, но он всегда помнил, что малые дела, такие как еда из солдатского котла или простая беседа с младшими чинами, укрепляют веру солдат в своего командира, и посему согласился попробовать солдатскую еду.

– Есть, господин генерал, – обрадовался повар. – Чашка есть чистая, и ложка есть. Я сейчас вам положу.

– Только немного, – сказал Волков, сам же присел за грубый стол, на котором готовилась еда.

Повар, вытерев руки о тряпку, положил ему, как он и просил, немного, половину от того, что съедали солдаты. Принёс хлеба и чистую ложку. И это стало зрелищем. Бывшие тут солдаты стали глядеть на генерала, что сидит за столом при кашеваре и ест их еду.

И то ли генерал проголодался, то ли давно не ел такой простой еды, но он с удовольствием и быстро, как и положено старому солдату, съел всё, что было в миске. Честно говоря, прини-

мая от кашевара еду и вспоминая, что тот отвлек его от мыслей, он думал отчитать его за что-нибудь, но кушанье и вправду оказалось вкусным: лука, соли и чеснока в меру, а горох сварен как раз как и положено. В общем, жирно, сытно, вкусно. Всё, как и нужно было солдату, чтобы тащить его нелёгкую лямку. Доев, генерал полез в кошель и достал оттуда, не мелочась, талер. И, протянув его светящемуся от гордости кашевару, произнёс:

– Неплохо, неплохо, – и похлопал его по плечу.

После чего с охраной отбыл к себе, напомним Брюнхвальду, чтобы тот оставлял на ночь в казармах, кроме ротных, ещё и старшего офицера.

Барон собирался звать их поутру, но господа сами пришли к нему в гости, пока он ещё не лёг спать. Волков обрадовался тому и пригласил их выпить вина, а когда понял, что они ещё и голодны, велел слугам приготовить им яичницу из десятка яиц. И пока прапорщик Брюнхвальд и фон Готт ели, рассказывали ему.

– Те, кто постарше, те помалкивают, но косятся, хитрецы, – говорил фон Готт. – А молодые ублюдки стали задираться почти сразу, как мы там появились.

– Но мастера приняли вас в учение? – спрашивал генерал.

– Приняли, приняли, – соглашался Людвиг, – один мастер Киммер, а другой мастер Монтанари, – фон Готт усмехнулся. – Он так забавно разговаривает. Смуглый такой, как будто крестьянин. Он к нам хорошо отнёсся.

– Вы расскажите, как вас там встретили местные ученики.

– Плохо, – отвечал Максимилиан. – Молодые волками смотрят.

– А старшие? – спросил барон.

– Старшие молчали, – продолжал прапорщик, – но казалось мне, что как раз они-то и подначивают молодых.

– Верно, верно, мне тоже так показалось, – поддержал товарища фон Готт, хлебом размывая по сковородке желток четвёртого яйца. – Говорю же – хитрые ублюдки.

– Но вы же не отвечали на их выпады? – уточнил барон.

– Нет, господин генерал, – заверил его молодой Брюнхвальд. – И им наш Людвиг ответил так, что у них задора поуменилось.

– Интересно, и что он им сказал?

– Они поначалу стали задирать меня, но я не отвечал, даже головы к ним не оборачивал, тогда один из них, некто Вебер...

– Сопляк лет семнадцати, – вставил восемнадцатилетний фон Готт, продолжая уничтожать яичницу.

– Да, – продолжал Максимилиан, – так он стал говорить, что либо я мул бессловесный, либо самый известный трус, а фон Готт и отвечает ему, что генерал фон Рабенбург дозволил нам сюда ходить при условии, что мы не будем потакать задирам.

– А ещё я сказал, что господин Брюнхвальд убил людей вполтину от того, что есть сейчас в зале, и за его храбрость генерал назначил его своим знаменосцем. И что нужно быть дураком, чтобы задирать такого. Уж тогда они попритихли немного.

– После этого, – продолжал Максимилиан с улыбкой уверенного в себе человека, – фон Готт ещё им поклонился и извинился. Чтобы не вышло чего. А те в ответ носы задирали.

– Они бы и хотели позадираться, но им мастера не разрешали, – добавил фон Готт.

– Да, а когда мастер Монтанари и Людвиг вышли на арену с шестами – мастер хотел посмотреть, на что способен фон Готт, – так многие позабыли про свои занятия и пошли глазеть.

– Это почему же? – поинтересовался генерал.

– Фон Готт с шестом не уступал мастеру.

– Вот как? – удивлялся Волков и смотрел на молодого офицера. – Шест? Не многие юноши интересуются простой палкой.

– Не знаю... – отвечал тот пожимая плечами. – Мне нравится. Копьё и шест, да и вообще любое древко, хоть алебарда, хоть протазан. Да и молот тоже.

– Вот и прекрасно, – произнёс генерал и, чуть подумав, встал и, подойдя к комоду, взял лежащий на нём кошелёк, достал из него монету, – у нас в атлетическом зале всегда стояла двухвёдерная бочка с белым столовым вином. Вино было разбавлено вполовину, мы пили его вместо воды.

Генерал положил монету на стол перед Максимилианом.

– А где это было? – поинтересовался фон Готт.

– Я служил в гвардии одного герцога, – ответил Волков и продолжил: – Купите вина, отвезите его в школу, предложите всем, кто пожелает.

– О! – воскликнул фон Готт. – Лучше вина нет способа завести приятелей.

– Если только хороший обед, – произнёс Максимилиан, забирая деньги со стола.

Глава 3

Утром он проснулся и лежал в темноте, ожидая, пока кто-нибудь из слуг придёт и принесёт лампу.

И вскоре в комнате появился Томас с лампой и произнёс негромко:

– Господин, утро.

– Я знаю, я не сплю. Который час?

Но он спрашивал напрасно, парень ничего не знал про часы и ответил, как отвечал всегда в подобных случаях:

– Народ пошёл к утренней. Как позавтракаете, так и рассветёт.

– Не слышу что-то колоколов, – Волков вылез из-под тёплой перины. – Давай мыться.

Пока Томас и Гюнтер вносили в спальню тёплую воду, мыло, полотенца и почищенную одежду с обувью, он слышал, как кто-то разговаривает в приёмной.

– Кто там? – спросил генерал у слуг. – Хенрик?

– Господа Хенрик и фон Флюген, – отвечал Гюнтер, наливая ему в ладони воды из кувшина. – Господин фон Флюген желает вас видеть. Ждёт уже давно.

– Фон Флюген? Ждёт давно? – барон даже удивился. Мальчишка был немного ленив и часто просыпал и забывал про свои обязанности, за что получал нагоняй и от старших товарищей, и от самого генерала. И тут вдруг ждёт. – Ну хорошо... Пусть войдёт.

– Доброго вам утра, господин генерал.

Едва Томас сказал, что генерал ждёт его, юноша уже был в спальне, кланялся и вместо Гюнтера, который уносил грязную воду, стал подавать генералу одежду. Но сам речь ни о чём не заводил, и тогда Волков спросил у него:

– Вы сегодня что-то очень рьяны, господин фон Флюген. С чего бы вдруг такое усердие?

Подавая колет генералу, молодой человек произнёс:

– Прапорщик Брюнхвальд и второй ваш оруженосец ходят в местную фехтшule, и я тоже желаю с ними. Но фон Готт говорит, что без вашего дозволения мне с ними идти нельзя, хотя я сам могу за себя заплатить.

– Они ходят туда для дела, – почти строго отвечал ему барон.

– И я хочу для дела, – тут Томас принёс в комнату кувшин с молоком и кофейник на подносе, так фон Флюген схватил с подноса чашу для кофе и кофейник, чашу поставил перед генералом и стал наливать в неё горячий кофе, – я тоже хочу учиться в той школе.

– Они там не для того, чтобы учиться, обучить вас смогут и многие сержанты и офицеры из наших людей. У нас много искусных бойцов. Прапорщик Брюнхвальд говорит, что наш капитан Нейман многим нос утрёт, и с мечом, и с алебардой, – и, видя, что молодой человек

сразу после его отказа насупился, он добавил уже тише: – А господа ходят в школу для того, чтобы подружиться с молодыми горожанами. Я их для того туда и послал.

– Ах вот как?! – фон Флюген сразу ожил. – Так я же прекрасно со всеми дружу. Да, спросите хоть у кого, я со всеми дружу, и с капитанами и ротмистрами.

– Нет..., – барон чуть подумал и покачал головой. – Вас будут заирать и оскорблять, вы не выдержите и схватитесь за меч. Убьёте или пораните кого-нибудь, и в городе бюргеры поднимут восстание против нас. Нет, нет...

– Господин генерал, – продолжал упрашивать юноша. – Я уже на военной службе привык к оскорблениям! Как только Хенрик меня ни обзывал: и болван, и дурак, и осёл, и лентяй, и ещё по-всякому, но я всё терплю. И я обещаю, что за два дня с кем-нибудь в той школе подружусь. Если не подружусь в два дня... то больше и ходить туда не стану.

И тут генералу пришла в голову одна мысль, он внимательно глядел на своего оруженосца, слушал его. И наконец произнёс:

– Хорошо, господин фон Флюген, я позволю вам сходить с прапорщиком и фон Готтом в фехтовальную школу, но предупреждаю, что вы не должны поддаваться ни на вызовы, ни на оскорбления, даже ежели оскорблять будут вашу матушку или нашу Церковь.

– Так и будет, поверьте мне, господин генерал. Ни с кем драться не буду и ругаться не буду, – заверял его юноша. – И обязательно с кем-нибудь там подружусь.

– И не думайте, что вы будете там прохладиться целый день. Чтобы до обеда вернулись в казармы и занялись моими лошадьми. Попоны все надобно выстирать и потники – найдите желающих, деньги я вам потом отдам, – и как следует вычистите моего рыжего.

– Я вернусь и всё сделаю, – радостно обещал фон Флюген перед тем, как убежать.

А генерал наконец приступил к своему завтраку, а слуги начали ставить перед ним блюда с варёными яйцами, сырами, теплое молоко и мёд, хлеб и сдобные булки, доливали ему в чашку кофе и пододвигали поближе блюдца с сушёными фруктами.

Думалось ему, что день этот он проведёт в праздности, так как никаких дел на сегодня не планировал, разве что ждал доклада своих молодцов о том, как они провели день в фехтшколе. Сам же разместился в казармах за столом и смотрел, как Дорфус рисует карту города с улицами, мостами и воротами. Рисовал он её обдуманно, так как на улицах многих сам уже бывал. И теперь с одним грамотным молодым солдатом из Вильбурга они вырисовывали чернилами на больших листах, приписывая пояснения.

– Пиши, Клаус: поворот от площади святой Изабеллы ровно на восток, рисуй. Так... Далее идёт улица..., – майор заглядывал в свои записи, – улица «Скорняков». И..., – он снова листал бумаги, – идёт она до самой цитадели. И вся улица широка, удобна, колонна в шесть человек и обоз пройдут без затруднений... без затруднений... до самого моста Рольфа Доброго. Там место крайне неудобное, мост узок, всего на одну телегу, а справа так ещё и стена цитадели. Едва под стеной колонна в четыре человека встанет.

Волков то и дело заглядывал им в карту, пытаясь вспомнить места, в которых когда-то бывал. Но он был определённо доволен тем, как Дорфус подошёл к делу, это могло сильно пригодиться ему в случае неприятностей. Он не мешал ему и его помощнику, но за новыми линиями, появлявшимися на карте, наблюдал со вниманием.

Его отвлёк от этого занятия караульный сержант, который пришёл и доложил:

– Господин генерал, к вам пришёл местный.

– Местный? – Волков даже подумал: уж не бургомистр ли?

Но сержант пояснил:

– Мальчишка какой-то.

– Мальчишка? – он поначалу не понял, о ком идёт речь. – Пропусти.

А когда увидел паренька, так сразу его и узнал. Это был посыльный от Сыча, он был всё в той же тёплой куртке с капюшоном. Теперь и мальчик узнал его, подошёл и негромко, чтобы его не услышал никто лишней, произнёс:

– Господин купец передаёт господину генералу письмо.

– Прекрасно, – сказал Волков, – давай его сюда, я давно его жду, – хотя и не ждал от Сыча никаких вестей.

– Что, при всех? – удивился мальчишка, украдкой оглядываясь вокруг. Он явно был настороже.

– Хорошо, – неожиданно согласился генерал и встал. Они прошли в конюшни, и хоть там тоже хватало людей, но было куда от них укрыться хотя бы на время. – Давай.

Мальчик полез под куртку и достал оттуда несколько сложенных вчетверо бумаг. Признаться, Волков был удивлён: Фриц Ламме был не из тех, кто любит много писать. Но, развернув листы, он сразу понял, что писал их не Сыч. Клякс почти не было, как и зачёркнутых слов. Это был уверенный почерк человека, который часто пользуется пером и чернилами. А в бумагах были списки людей. И генерал сразу догадался, что это за списки и кто их составил. Это были очень, очень опасные бумаги. Волков смотрит на мальчишку: Сыч, болван, доверил бумаги мальцу; не дай Бог они попали бы в руки горожан... и тогда Волкову пришлось бы строить солдат, запрягать лошадей, надевать доспех и вырываться из города с боем. В этом он ни секунды не сомневался. А самому Фрицу Ламме, если бы не успел убежать, маячила бы виселица как шпиону. Но сначала он познакомился бы с городским палачом для разговора. Чтобы, вися на дыбе, рассказать тому, кто из горожан эти списки сочинил.

Генерал, всё ещё глядя на мальчика, наконец спрашивает у него на всякий случай:

– А ты, случайно, этих бумаг не читал?

– Нет, господин, я не умею читать, – отвечает тот.

«Хорошо, если так».

– Спасибо тебе, – говорит Волков. – Сейчас я напишу ответ.

И тот ответ был весьма короток.

«Господин купец, по скудости ума выслали вы мне ненужные бумаги, впредь такое мне не присылайте, а коли у меня будет в чём-то подобном надобность, передадите при личной встрече».

Подписываться или прислонять перстня к бумаге не стал. Отдал письмо мальчишке. Тот взял его и спрятал под куртку, но не ушёл, а сказал:

– Господин купец обещал, что вы дадите мне крейцер за беготню.

– Как тебя звать? – спросил его барон, не спеша доставать деньги из кошелька.

– Ёган, господин, Ёган Ройберг.

– А кто твой отец, Ёган Ройберг?

– У меня нет отца, господин. Он умер от чумы, потому что остался в городе сторожить дом и мастерскую. Мы с мамой и сестрой теперь живём при дяде, а господин купец – наш сосед.

Барон понимающе покивал и снова спросил:

– Ну а в какую церковь ты ходишь?

– Я, мама, сестра и дядя, и тётя, и мои кузены, – мы все ходим в церковь Гроба Господня, что у северных ворот. Мама говорит, что мы праведной веры люди.

– Твоя мать мудрая женщина, – сказал Волков и стянул с головы мальчишки капюшон, потрепал его по волосам. – Мне как Рыцарю Божьему приятно это слышать.

После он высыпал из кошелька мелочь на ладонь и отобрал три мелкие серебряные монетки.

– Вот тебе три крейцера, но помни – язык держи за зубами.

– Помню, помню, буду держать. Никто от меня и слова не услышит, – говорил мальчуган, забирая деньги. – Про то мне ещё господин купец говорил.

Он тут же убежал, а Волков, присев на одну из солдатских лежанок рядом с печкой, снова развернул листы со списками.

Филипп Топперт – а составлял эти списки несомненно он, – был человеком ответственным, обстоятельным и истинно верующим. Волков усмехнулся: а может, просто очень не любил преуспевающих земляков. Он стал читать:

«Вольфганг Шибенблинг, первый бондарь города, второй человек в гильдии бондарей, также член гильдии дегтярей. Имеет двух братьев и поместье Геленгс, где бочки и делаются. Также имеет четырёх дочерей и пять племянников и племянниц. Торгует дубом и другим лесом. Имеет склады в Херпе и на пристанях. Выставляет от себя шесть кавалеристов и десять людей пеших и шесть арбалетчиков. Лютый безбожник, очень богат, жертвует деньги на их капища. Имеет два дома, один у Арсенальных ворот, второй, в котором и проживает постоянно, на улице Жаворонков». То есть с этим Вольфгангом Шибенблингом генерал жил сейчас на одной улице.

«Какая прелесть. Нужно будет порасспросить про него у хозяйки моего дома, госпожи Хабельсдорф».

Глава 4

О, Топперт был и вправду молодец. Волков просил у него список первых городских еретиков на десять человек, а он не поленился и написал о двадцати трёх. Тут были первые купцы, домовладельцы, банкиры, первые лица городских гильдий и коммун. Список был составлен с любовью и подробностями. Филипп Топперт очень старался и, учитывая, как быстро и как подробно список был написан, понятно было, что человек вложил в эту работу душу и был готов к ней заранее.

Только чтобы прочесть всё это, барону потребовалось полчаса, а к концу списка он с удивлением понял, что трое из этого списка проживают на улице Жаворонков. Неудивительно, улица была чиста и тиха. Она не походила на те улицы, что вечно забиты телегами и тачками, где дымят кузны и воняют прогорклым маслом дешёвые харчевни.

Генерал снова вернулся за стол, где Дорфус с помощником рисовали карту; барон рассматривал нарисованные улицы и иной раз заглядывал в списки, чтобы понять, где селятся нобили еретиков.

Ещё до обеда в казармы вернулся фон Флюген. И взглянув на него, Волков едва не засмеялся. Молодой человек придерживал левую руку, а ещё на его лице от носа и под оба глаза растекался пурпуром свежий синяк. И настроение у него было не очень хорошее, а когда генерал отозвал его в сторону и спросил, что произошло, оруженосец ответил:

– Это всё ублюдок Герхард Фабиус.

– Что он сделал?

– Сначала, когда я подошёл к ним, чтобы посмотреть, как двое из них будут драться на мечах и кинжалах..., – начал свой рассказ оруженосец.

– Двое... Местные ученики школы?

– Ну да... два взрослых горожанина. Их судил мастер, и я встал рядом с ареной, а один бюргер встал рядом со мной, это и был проклятый Фабиус.

– И что, он ударил вас?

– Нет, – бурчал юноша. – Сначала я с ним заговорил. Спросил, по каким правилам будут драться. Ну а он мне ответил. Всё объяснил, я подумал, что он благородный человек...

– Часто ли вы видели благородных бюргеров? – усмехался генерал.

– Я просто думал: раз люди учатся владеть благородным белым оружием, то они и должны быть благородными. А если...

– Ладно, ладно, – перебил его генерал. – Об этом после. Что же устроил этот благородный бюргер Фабиус?

– Ну, сначала мы смотрели, как идёт поединок, и разговаривали с ним, он рассказывал мне, кто из бойцов с каким оружием сильнее, он казался мне достойным человеком.

– И что было дальше?

– А как поединок закончился, он и говорит, мол, надо проверить и меня... Ну, каков уровень моего мастерства.

– Но я же запрещал вам вступать в поединки с местными, – напомнил генерал.

– Я ему так и сказал, а он сказал, что настоящего оружия мы использовать не будем, а возьмем шесты. И что отказываться я не должен, чтобы все в школе не подумали, что я трус и все люди герцога трусы.

Барон уже понял, что разрешение фон Флюгену посещать фехтшule было ошибкой. Он вздохнул и спросил:

– Вы когда-нибудь упражнялись в работе с шестом или копьём?

– Отец говорил мне, что шест – оружие черни, а единственно достойное копьё – это копьё для кавалерийского боя.

– Ясно; и вы, значит, согласились на поединок с незнакомым соперником и незнакомым вам оружием?

– Так они все меня подбивали, окружили и говорили: не бойся, не бойся, это же просто учебный поединок. Вот я и согласился.

– А вы, фон Флюген, не по годам умны, – едко заметил барон.

– А что... Они казались милыми людьми, я думал, что подружусь с ними, особенно с этим Фабиусом.

– Ну понятно... Значит, вы вышли с ним на арену. И что же там произошло?

Юноша стал рассеянно смотреть по сторонам и вздыхать.

– Отвечайте вы уже! – строго произнёс генерал.

– Он стал бить меня, – наконец выдал фон Флюген. – Я думал, это будет учебный поединок. А он сразу ударил меня по уху. Вон..., – юноша показал своё ухо, край которого был лилово-синий, – а потом стал бить по ногам, а я не мог отбиться от него. А потом попал мне по пальцам, – теперь молодой человек показал генералу опухшие пальцы, – и когда я совсем уже не отбивался, так как толком не мог держать шест, он ударил мне в нос.

– А кто судил поединок – мастер?

– Да, но он больше смеялся вместе со всеми, чем судил.

– А судил вас случайно не Монтанари?

– Нет, не Монтанари, другой. Не помню его имени.

– Киммер, кажется, – вспомнил генерал. – Ну-ну, и что же, вы бросили своё оружие?

Или же продолжили сражаться?

– Я не бросал, – сразу встрепенулся юноша. – Нет, не бросал, но тут вышел на арену прапорщик Брюнхвальд и прекратил схватку. Ну и Фабиус что-то ему сказал, но прапорщик не ответил. И вывел меня из школы и велел ехать в казармы.

– Очень интересная история, – флегматично заметил барон. Он ещё раз подумал, что отправлять этого балбеса в фехтовальную школу было ошибкой. И произнёс нравоучительно: – Надеюсь, господин фон Флюген, вы вынесете из неё уроки.

Генерал уже закончил разговор и хотел было уйти, но юноша остановил его:

– Господин генерал.

– Я слушаю вас.

– И что мне теперь делать? – спросил молодой человек.

Волков взял его руку и стал мять, фон Флюген морщился, но терпел; судя по всему, переломов на руке не было, и тогда барон ответил:

– Ничего не делать, врач вам не потребуется, всё само заживёт.

– Я не про руку, – произнёс юноша.

– А про что?

– Меня избили палкой. Как собаку. При всех. Все видели, все смеялись. А он ещё обзывал меня. Поносил моё имя.

– Да? И что из того?

– Но ведь это оскорбление, мне придётся вызвать обидчика на дуэль. На поединок до смерти!

– Придётся? – Волков изобразил удивление. Вот что уж точно ему не было нужно в сложившейся ситуации, так это дуэли его людей с горожанами. – Вы, что, собираетесь вызывать на дуэль каждую городскую свинью, что на вас хрюкнет?

– Но он бил меня палкой при людях! – продолжал фон Флюген. – Я же не могу не ответить на это?!

Тут генерал чуть наклонился к нему и произнёс:

– Один раз, в одном городишке, меня тоже ударили палкой. Тот тип тоже был дерзкий горожанин.

– И что? Вы убили его?

– Нет, в тот момент я не мог этого сделать, но я вернулся, когда был в силах. И на дуэль бюргера не вызывал.

– Вы просто убили его! – догадался молодой человек.

– Ну что вы, фон Флюген, я же Рыцарь Божий, я не должен убивать чернь. Я просто отрубил ему руку, в которой он держал палку, которой бил меня.

– Ах вот как!

– Да, мой друг, именно так – чтобы воздать хаму должное, вовсе не обязательно вызывать его на поединок.

– Я понял: мне нужно отрубить Фабиусу руку, – догадался молодой человек. – Но мне нужно узнать, где он живёт.

Волков поморщился. Подобного развития событий он как раз всеми силами пытался избежать.

– Да нет же, – генерал чуть подумал и продолжил: – В ваши годы я уже побывал на южных войнах. А в тех цветущих краях много больших и мощных городов. Городов очень и очень богатых. И там местные нобили люто враждуют друг с другом за первенство в городе, ненавидят и убивают врагов из вражеских семей веками, и они не очень часто вызывают друг друга на поединки – поединки, как они считают, для дураков, – а просто ждут удобного момента, чтобы застать зазевавшегося врага врасплох где-нибудь в тёмном переулке и впятером зарезать его одного. Иногда они просто нанимают убийц или вовсе травят противников ядом. Ничем не брезгуют. И это не считается у них зазорным, они называют это кровной враждой, вендеттой. Яд, удар кинжалом в спину, удар из-за угла... Для них всё приемлемо. Они же бюргеры. Точно такие же, как и наши. Как те, что сегодня смеялись, когда вас избивали.

– Значит, мне нужно найти товарищей, – сделал свой вывод фон Флюген. – Или нанять других людей.

– Или дождаться нужного момента.

– Мне нужно затаиться и ждать?

– Если даст Бог – время для воздаяния наступит. Подождите немного. И вообще, учитесь ждать.

– Хорошо, я подожду, – произнёс молодой человек.

– Вот и прекрасно; а чтобы ожидание вас не обременяло, займитесь моими лошадьми, за занятием и ждать не так скучно.

– Лошадьми? – кисло переспросил юноша.

– Именно лошадьми, – настоял генерал. – И даже не заикайтесь мне про свои больные пальцы. Слышать ничего не хочу, а сделаете плохо, так я устрою взбучку Хенрику. А уж он вам всё тогда припомнит.

После этого разговора у барона стало складываться впечатление, что его затея, как говорится, не выгорит. Вернее, не выгорит дешёвый вариант его затеи. И приехавшие после обеда Максимилиан и фон Готт лишь укрепили в нем это понимание.

– Ну, что там произошло с фон Флюгеном? – сразу спросил генерал, как только они собрались втроем за отдельным столом, где их никто не слышал.

– Ничего особенного, – на удивление спокойно отвечал ему прапорщик, – во всех школах такое бывает с новичками.

– А тут ещё и школа злая, – добавил фон Готт.

– Да они всегда злые, что в Ланне, что в Малене, куда ни придёшь, так тебя непременно будут испытывать; мне в Ланне, в фехтшule «Кронцеркранц», один семипудовый тип чуть зубы в первый же день не выбил локтем. Полдня потом кровью плевался. А я был в возрасте как раз как фон Флюген, – вспоминал Максимилиан.

– Значит, ничего удивительного? – уточнил генерал. Ему это было в диковинку. Он никогда не посещал подобных школ. А в атлетических залах, что располагались в замке дворца герцога де Приньи, такого быть просто не могло. Люди среди гвардейцев были отборные, знающие себе и окружающим цену и уж точно не из робкого десятка, и на подобные выходки могли ответить очень неприятно. Дуэли, несмотря на запрет герцога, среди гвардейцев были не редкостью и отличались большим ожесточением. Там никто бы не додумался задира́ть новичков. Чёрт его знает, на кого ещё нарвёшься. Так что Волкову оставалось лишь спросить: – То есть всё идет нормально?

И тут молодые офицеры переглянулись и фон Готт ответил:

– Нормально? Уж и не знаю. Я бы не сказал, что горожане нас уже приняли.

– Всё ещё задираются?

– Да нет, – на этот раз заговорил прапорщик. – Просто не замечают. Я хотел поработать с мечом и кинжалом и просил учителя найти партнёра, и Монтанари даже спросил, нет ли желающих, так никто не пошёл против меня. Мастер начал говорить, что они позорят школу, мол, неужели нет никого, кто принял бы мой вызов, но никто не захотел. Хотя у них там есть и те, кто неплохо владеет простым мечом и кинжалом.

– Да, у них есть пара неплохих бойцов, – согласился с товарищем фон Готт. – Но никто не пошёл. Никто не грубил, но и никто ничего не ответил. Просто занимались своими делами.

Впрочем, генерал и не испытывал иллюзий на этот счёт; он и не надеялся, что за пару дней молодым офицерам удастся подружиться с местными и устроить с ними большую попойку. Волков вспомнил, сколько городских офицеров пришло на ужин, который он устраивал в их честь. И после этого не очень приятного воспоминания он спросил у молодых людей:

– Ну а что с вином?

– Ах да! – вспоминает фон Готт и смеётся. Максимилиан тоже улыбается, но невесело, а оруженосец генерала продолжает всё так же со смехом: – Они его выплеснули.

– Выплеснули? – удивляется барон.

– Да, выплеснули, перевернули всю бочку с лавки на пол, развели такую грязь в зале, что пришлось звать уборщиков, – продолжает фон Готт.

– Они сделали это преднамеренно и демонстративно? – уточняет генерал.

– Нет, конечно, – отвечает Максимилиан. – Якобы случайно.

– Это сделал один сопляк, что тоже ходит в школу, ему лет пятнадцать, наверное. И он пришёл и извинился перед нами за это. Как будто сделал это случайно, – говорит фон Готт. – И даже предложил заплатить за вино, но я готов поставить три талера против одного, что он сделал это специально.

– И сделал он это по наущению старших, – добавил прапорщик. – Думаю, его подговорил на это Фриц Кёниг, мальчишка всё время ошивается рядом с ним.

– А кто этот Кёниг? – спросил Волков. – Вы не узнали?

– По виду он не беден, ему лет тридцать пять, – отвечал фон Готт.

– Нет, ему лет тридцать, это он из-за бороды и усов смотрится старше, – не согласился с ним прапорщик. – Ему лет тридцать. Одежда богата, он точно не из бедных. А ещё он лучший боец школы, как я понял из рассказа Монтанари. И вокруг него, конечно, собралась шайка таких же. Они там и заправляют.

– И вы предложили им пить вино вместо воды?

– Да, так и было, – рассказывал фон Готт, – принесли бочку и поставили её на лавку рядом с бочкой для питьевой воды, предложили, все нас слышали, но никто ни разу из бочки не выпил.

– Монтанари выпил немного, – вспомнил Максимилиан.

– А, ну да... Монтанари и мы. Больше никто не стал пить. Так и простояла бочка с утра и до обеда, – тут фон Готт уже не улыбался. Видно, это обстоятельство задело его за живое. – Высокомерные ублюдки. Бургеры какие-то, чернильное дворянство, а спеси побольше, чем у сына герцога какого-нибудь.

Тут Волков неожиданно улыбнулся, он понял, что его молодой оруженосец чувствует то же, что чувствовал он, когда местные офицеры не сели с ним за стол.

– Ну, вы, надеюсь, не взяли у сопляка денег за пролитое вино?

– Нет, не взяли, – сказал фон Готт. – Хотя было нужно, вино-то было неплохое. Да и платил бы, я думаю, не сопляк.

Глава 5

Нет, не выгорало дело, не удалась его первая задумка. Во всяком случае, пока. Никак не хотели горожане дружить с ним. Никак! Не за что было ему ухватиться в этом враждебном городе. Потихоньку у барона стало складываться понимание, что его нахождение в этом месте зависит от бургомистра, а расположение того напрямую зависит от земельной сделки. То есть зависит от воли курфюрста. В общем, положение его было неустойчиво. Зыбко. Не на что было тут ему стать твёрдой ногой, не на кого было опереться. Ни в военном сословии, ни среди святых отцов, вот теперь ещё и с местной молодёжью сблизиться у него не получалось. А бургомистр подождёт неделю-другую, и... Если не даст ему генерал курфюрста желаемого... То что? Нет, не зря рисовал карты прилежный Дорфус. Не зря, не зря. Чувствовал генерал, что по одной из этих улиц, под дымом пожарищ и под мушкетную стрельбу, придётся ему выводить своих людей за городскую стену. Тащить по узким улицам обозы. И это будет настоящее фиаско. А потом цу Коппенхаузен приведёт войско под стены Фёренбурга, ну, допустим, встанет в осаду. А город-то для осады очень, очень сложен. И чтобы обложить его по всем правилам, придётся перекрывать реку и ставить один лагерь на противоположном от города берегу. Волков даже поморщился, представив, как с севера к тому лагерю подойдет на помощь городу с пяти-шести, а то и с десятитысячным войском... ну, например... например, ван дер Пильс! Нет, нет... Осада Фёренбурга – это самоубийство. И уж тогда опять цу Коппенхаузен свалит своё поражение на него. Ну а на кого же ещё?

А уж как обер-прокурор будет рад! А ещё бурмистр Вильбурга, а ещё камергер Кюн, а ещё Густав Адольф фон Филленбург, епископ Вильбурга, а ещё вся родня графини фон Мален, окопавшаяся в фамильном замке и не пускающая туда Брунхильду с маленьким графом. Да и в Малене есть такие, которым его неуспех придётся по вкусу. Всё это скручивалось и скручивалось в тугий узел, из которого и выхода, казалось, не было. И решить этот вопрос силой, той силой, что столько раз приходила ему на помощь, он не мог. Одно дело – отбиваться от наседающего ван дер Пильса в лагере, когда у тебя есть пушки, ров и провиант, а за спиной река с лодками, и совсем другое дело – сидеть в чужом городе, хоть и в крепких, хоть и в ого-

рожденных, но зданиях. И так как барон уже начал кое-что понимать в делах придворных, он опять попросил себе перо с бумагой и сел писать письма герцогу и его министру. И в письмах этих, что называется, «стелил себе солому». А именно, горько сетовал, что горожане с каждым днём всё злее, что к чему-то готовятся и что он ждёт мятежа со дня на день. Также просил денег, а ещё просил поторопить цу Коппенхаузена. Хотя понимал, что того торопить не нужно. Маршал ждёт приказа и денег на сбор войска. В общем, он хотел потревожить герцога и по возможности отвести от себя излишний гнев в случае, если ему придётся покинуть город. И эти письма генерал отправил уже не через почту, а с верным человеком. С кавалеристом из отряда ротмистра Юнгера.

Дни стояли промозглые, с влажным ветром, что дул с реки, таким промозглым, что хотелось усесться у камина с вином и какой-нибудь книгой или даже пойти в одну из городских купален и заказать себе десяток вёдер горячей воды. Отогреться и отмыться. Но у камина ему спокойно провести вечер не позволила бы тревога. А в купальнях... Чёрт его знает, там даже с охраной он не будет чувствовать себя в безопасности. В общем, кутаясь в свою шубу, он ехал по грязным и сырым улицам суетливого города, оглядывая лавки.

И правильно сделал, что не поехал в купальни. Какая тут к чёрту безопасность, если даже простой бюргер-пузан со старой корзиной за плечами, уступая тебе дорогу, смотрит зло, да ещё показательно плюёт под ноги твоему коню. Очень хотелось генералу ожечь его по мордасам плетью, да нельзя. Волков только улыбается и оторачивается. А сам представляет, как будет жечь всё на своём пути. Как будет поджигать улицу за улицей, по которым поведёт своих людей, когда соберётся уходить из города. Пузаны с корзинами его запомнят, уж он об этом позаботится. Пусть сволочи из ратуши потом ещё одну табличку с его именем вешают на воротах. Пусть помнят его имя, пусть с малолетства его зубрят.

На одной из улочек, мостовую которой явно подметали и на которой все дома, как один, стояли свежепобеленные, было несколько хороших лавок. Волкова удивило, что неплохая посуда стояла сразу за стеклами окон на первых этажах домов и, даже не входя в лавку, с улицы можно было увидеть то, что предлагалось на продажу. Так же, через окна, купцы, торговавшие материями, показывали недурственный бархат, парчу, хорошее сукно. Генерал увидел несколько изящных столовых приборов из серебра, среди которых были и искусно сделанные вилки.

«Хольц. Посуда и украшения», – гласила вывеска над входом.

Он остановился и, чуть подумав, слез с коня. Сделав Хенрику знак рукой – со мной идти не нужно, – без охраны вошёл в хорошо освещённое помещение.

Лавка была убрана богато. И как только генерал вошёл в неё, из задних помещений тут же появился и сам хозяин, ну или очень богатый приказчик. Выходил он, улыбаясь, но как только разглядел, кто перед ним, тут же на его лице появилась гримаса высокомерия.

Он узнал генерала. Конечно, узнал. И сразу выпятил свой отлично выбритый подбородок, а его глаза с «мешками» стали холодны, как свинец. Он даже не соизволил поздороваться. Два этих человека сразу поняли всё друг о друге. Папист и, что ещё хуже, Рыцарь Божий видел перед собой настоящего упрямого еретика-лютеранина. Волкову надо было уйти безмолвно, но он подумал, что убежать Божьему Рыцарю перед еретиком не пристало, и посему он в полной тишине и под неприятным взглядом торговца прошёлся по лавке, разглядывая дорогие товары, разложенные на хорошо прокрашенном зеленом сукне, а потом произнёс как ни в чём не бывало:

– Неплохие вилки. Какой же цены будут?

Продавец сделал паузу. Прежде чем ответить, он смерил генерала долгим и невежливым взглядом и потом наконец соизволил произнести:

– Двадцать восемь талеров.

– За одну? – удивился барон.

– За одну, – отвечал торговец. И тут же добавил с высокомерием: – Если не нравится цена, можете поискать в другом месте.

«Могу, конечно, и поискать... А могу повесить тебя прямо на твоей вывеске и прямо сейчас!».

Но ничего подобного, конечно, барон вслух не произнёс, а пошёл по лавке дальше, пока среди всяких весьма искусных вещиц, что украсили бы стол всякому благородному человеку, может быть, даже и князю, не увидел одну небольшую чашу. Или, вернее, кубок. Сделан он был из золота. И делал его настоящий мастер.

Поистине, вещь сия достойна была пиршественного стола герцога Ребенрее. Волков не удержался и взял её в руки, повертел и, убедившись в её совершенстве, снова обратился к недружелюбному хозяину лавки:

– А эта вещь сколько стоит?

Теперь торговец даже улыбнулся, произнося цену:

– Четыреста пятьдесят талеров.

В его взгляде, в этой мерзкой его улыбочке так и сквозил высокомерный вопрос: что, не нравится?

Ни цена, ни сам купчишка, ни весь этот поганый город барону не нравились. Не нравились настолько, что он намеревался их сжечь. Но тем генерал и отличался от торговца, потому что в тяжком солдатском ремесле и дотянул до своих лет, что имел выдержку и во всяких передрягах умел сохранить хладнокровие. Он поставил чашу на место и произнёс:

– Дороговато. В Вильбурге или в Ланне цены раза в два меньше.

– Вот и покупайте там, – уже не сдерживаясь, отвечал ему торговец.

– Так и поступлю, – сказал барон, отправляясь к двери, и уже на пороге, не сдержавшись, добавил с улыбкой: – Тем более, там можно найти вещи и поизящнее.

Он вышел на улицу и сел на коня, но прежде, чем поехать дальше, спросил у проходящей мимо упитанной женщины:

– Добрая госпожа, а как же называется эта улица?

– Это? Так это Собачья улица, – чуть смутившись после такого ласкового обращения от такого видного господина, отвечала толстуха.

– Собачья? – удивился барон. Всякие названия улиц слышал он на своём веку, но это...

– Да, господин, так она у нас и зовётся – Собачья.

– Собачья, – повторил Волков, усмехнулся и поехал дальше.

Но едва они проехали сто шагов, как Хенрик поравнялся с ним и сказал негромко:

– Генерал, за нами опять какой-то ублюдок таскается. Капюшона не снимает. Мы останавливаемся, и он стоит, мы поехали, и он за нами попёрся.

– Думаешь, следит?

– Я его ещё на повороте к этой улице заметил, теперь он опять сзади идёт. Может, поскачем побыстрее – он пеший, не угонится.

– Нет нужды, – беспечно отвечал генерал. – Пусть ходит, нам пока скрывать нечего.

День уже катился к вечеру, когда он приехал на свою улицу и, за всё своё пребывание тут, в первый раз стал внимательно разглядывать крепкие ворота и заборы, за которыми скрывались хорошие дома. Некоторые дома были без заборов и своими фасадами выходили на улицу. Да, дома на улице Жаворонков были хорошие. Людишки тут жили обеспеченные. Один дом так и вовсе был по-настоящему красив. Нов, чист, имел большие окна и красивую дверь, а вот забора не имел. Барон даже остановился, чтобы оглядеть его получше, но начавшийся то ли снег, то ли дождь поторопил его домой. Да и нога уже начинала ныть.

Ужинал дома, изысканным петухом в вине, что приготовила ему за отдельную плату хозяйка. А уже после ужина случайно услышал, как она в передней договаривается с Гюнтером о стирке скатертей, и сразу вышел к ней.

– Госпожа Хабельсдорф.

– Господин барон, – приятная и опрятная женщина присела в книксене.

– Рад вас видеть, – Волков ей кивнул.

– Всё ли у вас хорошо, всем ли в доме вы довольны?

– Всем, всем, – уверил её генерал. – Петух был необыкновенно вкусен.

– Так его готовят у меня на родине.

– Это прекрасно. Мне нужно с вами поговорить; не могли бы вы пройти в мою спальню?

Тут госпожа Хабельсдорф немного замялась и посмотрела на Гюнтера, что был в той же комнате, что и они, занимался какими-то делами, а потом произнесла:

– Уж не пристало мне... – и добавила, улыбаясь. – Я же замужем.

– Нет, нет, – Волков прижал руки к сердцу, – уверяю вас, вашей чести ничего не угрожает.

Мне просто нужны некоторые пояснения.

– Да? – она всё ещё сомневалась и явно была обескуражена его просьбой – в ночь идти к мужчине в спальню. Но потом всё-таки согласилась: – Ну хорошо.

Волков проводил её в свою спальню и, отодвинув занавеску от окна, спросил, указывая на улицу:

– Госпожа Хабельсдорф, а вы давно тут живёте, на этой улице?

– Давненько, как замуж вышла, – теперь она была немного удивлена. Но всё ещё опасалась его, не подходила ближе.

А генерал отметил, что у неё неплохие зубы, все передние целы, и она ещё не очень стара, едва ли ей перевалило за сорок. И вообще она... аппетитна для своих-то лет.

– И всех здесь знаете? – продолжал он.

– Почти.

– А такого человека, как Вольфганг Шибенблинг, вы знаете? Кажется, он живёт на этой улице. Он, по-моему, бондарь.

Она снова была удивлена, поглядела на него как-то странно и ответила:

– Уж не знаю, бондарь ли он, но его дом от нашего стоит через два других. И каждое утро его карета ездит за стену – к реке, наверное.

– О, у него есть карета? – Волков хмыкнул. – Хорошо живут ваши бондари.

– Не знаю, как они живут, мы с ним не очень водимся, – отвечала женщина.

– Потому что он еретик – то есть лютеранин? – спросил генерал, глядя через окно на улицу, на которой у каждого дома горел фонарь.

– Нет, не потому... Потому что заносчив больно, думает, что не ровня мы им; если кивнёт при встрече, и то хорошо, – отвечала госпожа Хабельсдорф.

Но теперь генерал смотрел на неё пристально, и ему показалось, что она немного кривит душой: нет дорогая, он чванлив не потому, что вы ему не ровня. И он продолжил разговор:

– А много ещё на этой улице лютеран проживает?

– А к чему это вы интересуетесь, господин барон? – и теперь она снова спрашивала с опасением. Когда он звал её в свою спальню, то её опасения были лёгкие, такие, при которых можно и поулыбаться сконфуженно, теперь же опасения были почти равны испугу.

И он ответил ей как можно более расслабленно:

– Так хочу знать, с кем живу на одной улице, а то люди всё неприятливые какие-то, – он указал на красивый дом с большими окнами. – Вот в том красивом доме кто живёт?

Она даже не подошла к окну, чтобы взглянуть на дом, и почти сразу ответила:

– Там живёт господин Хаанс Вермер с семьёй.

– Хаанс Вермер... Хаанс..., – повторил барон, глядя на красивый дом. А потом повернулся к ней и продолжил: – Сдаётся мне, что приехал он с севера?

– Да, кажется, – отвечает женщина насторожённо.

– Судя по его дому – он большой купец или, например, банкир, – предполагает генерал, хотя не может припомнить это имя в списке, что ему подготовил Топперт.

– Он книжный человек, – отвечает хозяйка дома, чем безмерно удивляет генерала.

– Книжный человек?

– Учёный; говорят, что половина его дома заставлена стеллажами с толстыми книгами.

– С каких это пор учёные живут в домах, словно они купцы? – не верит барон.

На этот вопрос женщина ему не отвечает, лишь пожимает плечами: почём мне о том знать? Но Волков видит, что она просто не хочет об этом говорить, однако ему-то нужно знать, и он продолжает:

– Учёный человек, судя по имени – северянин, книжник с севера, – барон внимательно смотрит на женщину, не отводя глаз, – кто ж он, если не богослов еретиков?

– То мне не ведомо, – отвечает женщина, и генерал видит, что её тяготит этот разговор, она желает уйти.

Но он ещё не закончил; с этим Хаансом с севера ему уже в принципе всё ясно, но у генерала есть ещё один вопрос:

– И сколько тут на улице живёт... лютеран?

– Почитай, половина, – отвечает ему хозяйка и тут же добавляет: – а может, и две трети.

О, – Волков удивлённо поднимает брови. – Вот как?

После чего наконец отпускает женщину, и та с облегчением уходит из спальни Божьего Рыцаря.

Глава 6

Как непросто всё складывалось. Он наливает себе вина и задумывается. А ему ещё брат Ипполит говорил, чтобы не истязал он себя тяжкими мыслями по вечерам, ибо они есть первый враг доброго сна. И не врал бывший монах.

Видно, от навалившихся мыслей сон совсем покинул его. И несмотря на то, что время уже было позднее, сидел теперь генерал в кресле, хотя под периной давно уже лежала грелка и постель ждала его. Но нет...

– Томас, – генерал звонит в колокольчик.

– Да, господин, – появляется в дверях слуга. Морда у него кислая.

Молодой человек, будь его воля, уж давно с удовольствием лёг бы в кровать. У него-то со сном проблем нет, ему вечно хочется спать. И особенно по утрам. Хозяин давно приметил за ним это. Так что никакого внимания на его кислые мины он не обращал.

– Одеваться, и позови ко мне господина Хенрика. И не забудь колет и перчатки с кольчугой.

Хенрик тоже не был расположен к ночным прогулкам, но он – волею своею или за неимением иного выбора – встал на путь воина, и теперь даже не роптал на свою беспокойную жизнь. И хоть был молодой человек в одной рубаше и панталонах, он уже готов был собраться и ехать.

– Господин генерал.

– Седлайте коней, вы едете со мной... – Волков немного думает, ему не хочется брать с собой всю охрану. Отряд в дюжину людей уж очень будет заметен на пустых улицах города. – Возьмите для охраны Майнца и Грифхопера, того будет достаточно.

– Конечно, господин генерал, – отвечает оруженосец и уходит, а в спальню Томас и Гюнтер вносят его одежду.

И уже через полчаса он с оруженосцем и двумя телохранителями выезжает в ненастную ночь с сырым ветром и, кажется, дождём.

– Хенрик, – говорит генерал, – вот сейчас-то нам не нужны всякие мерзавцы, что будут таскаться за нами. Смотрите по сторонам.

– Хорошо. Пригляжу, – обещает оруженосец и занимает место замыкающего.

Выехав с улицы Жаворонков и свернув на улицу Башмачников, они по оклику Хенрика все остановилась, так как за ними шёл, весьма быстро, какой-то человек.

– Может, схватим его да пораспросим, узнаем, чего ему надобно? – предложил молодой человек.

И эта мысль показалась барону вполне здоровой.

– Ну что ж, было бы неплохо выяснить, кто его послал, – согласился Волков, чуть подумав.

Тогда все они остановились в тёмном месте у стены, а Майнц спрыгнул с лошади и спрятался на другой стороне улицы. И они стали ждать. Но тревога оказалась напрасной: человек прошёл мимо них, торопился очень, он нёс на спине вязанку дров, видно взял, где плохо лежало, так что Хенрик и генерал волновались напрасно.

Понемногу барон уже начинает ориентироваться в городе и уже вскоре оказывается у дома, где живёт Фриц Ламме. Вот только того самого, несмотря на поздний час, на месте не оказывается. Только хозяйку, открывавшую дверь, напугали. И раздосадованный Волков уже хотел было повернуть обратно, как сержант Грифхоппер, стоявший чуть поодаль от дома, говорит:

– А не он ли идёт? Вон там, в конце улицы.

Генерал присмотрелся и едва смог разглядеть коренастую фигуру в темноте. И это был Сыч, не боялся, подлец, таскаться по ночам один.

– А я и не знал, что вы сегодня нагрянете, – оправдывался он, доставая свой ключ от входной двери. Открыл её и вошёл вовнутрь дома. – Теперь давайте тише, а то разбудим хозяев.

– Я уже их разбудил, – заметил генерал, слезая с лошади. Но, чтобы не устраивать лишнего шума, произнёс: – Хенрик, подождите меня здесь. Я недолго.

Сыч зажёл лампу, гремел посудой, пытаясь найти что-то, видно, думал угостить своего господина, но ничего не находил, а заодно и причитал:

– Ох и цены тут, ох и цены... Думал жене чего-нибудь прикупить эдакого, чего у нас в Малене нет, – он машет рукой. – Чёрта с два тут что купишь. В Ланне и то дешевле будет.

– Сядь ты уже, – говорит ему барон.

– Хоть вина на стол поставить нужно, – отвечает Фриц Ламме.

– Сядь, говорю, не нужно мне ничего, – настаивает Волков.

Сыч садится.

– Ну ладно, раз так.

Барон смотрит на него... Побрился, но одежду не постирал, а ещё... Волков принимает:

– Вiniщем от тебя несёт.

– Так сами же велели связи в городе искать, а как лучше заводить связи, если не с вином?

Вино – оно сильно тому способствует...

– Ты не очень-то увлекайся...

– Вы не волнуйтесь, экселенц, я меру в этом деле знаю, – заверил его Фриц Ламме.

– А почему одежду не постирал? Я же тебе деньги дал.

Тут Сыч встаёт и с постели берёт небольшой, туго свёрнутый тюк, показывает его Волкову:

– Вот, экселенц, исподнее купил, чулки..., – он даже трясёт головой. – Дорогущее всё – ужас. А своё завтра прачке отнесу и в купальню и к цирюльнику прямо с утра пойду.

– Обязательно побрейся. Ты теперь купец средней руки, не богачей, конечно, но не нищий, и смотри на них: как они выглядят – таким и ты должен быть.

– Да понял я, понял, – Сыч кидает на кровать тюк с одеждой и садится за стол к господину. – Записи Топперта как вам пришлись?

– Дельные, – отвечает Волков. – Молодец этот Топперт.

– Ух, как он зол на них, – говорит Фриц Ламме. – От души старается, ему и денег не нужно.

– Да, не любит он еретиков, всей душой, – соглашается барон.

А тут Сыч начинает смеяться:

– Сдаётся мне, что он не только еретиков не любит.

– В каком смысле? – не понимает Волков.

– Сдаётся мне, он всех не любит, кто побогаче да половчее него будет, – продолжает смеяться Ламме.

Эта мысль не приходила барону в голову, но теперь, когда помощник озвучил её, генерал с удивлением начинает понимать, что Сыч, возможно, прав. Топперт и вправду, может быть, из тех людей, которые есть в любом городе. То есть человек, недовольный складывающейся ситуацией и считающий, что он достоин большего. Или просто озлобленный на своих земляков. Такие люди, случись им ещё и храбрость иметь, могли и ворота осаждённого города открыть, чтобы впустить врага, если им это принесёт выгоду или даже просто накажет соседей. Впрочем, это сути, как и важности Филиппа Топперта не меняло. Лишь бы приносил пользу.

– Ты будь с ним поласковее, – после некоторого раздумья произносит генерал.

– Буду, буду, – обещает Сыч. И опять смеётся. – Но только вас он больше ценит, про вас он с придыханием говорит.

– Да?

– Ага, – продолжает Ламме. – Очень вас уважает. Старался, бумаги писал, ночь не спал, наверное.

– Это хорошо, но ты всё равно мальчишку с такими бумагами ко мне не посылай, это ж плохо кончиться может.

– Мальчишечка тот хороший, из бедноты, старательный, – объясняет генералу помощник.

– Всё равно... Не дай Бог, эти записи в руки еретиков попадут или в руки бургомистра с местными военными... Я-то, может, ещё отобьюсь и из города уйду, а ты считай, что уже на виселице. Причём с Топпертом вместе. Имей в виду, что за мной, куда ни пойду, какая-то сволочь обязательно тащится. Твоего мальчонку могут возле меня и заприметить, обыскать, а если нет ничего, то через него на тебя выйти. Так что...

– Может и так, может и так, – задумчиво соглашается Ламме, он всё прекрасно понимает, человек бывалый. Уже сидел в тюрьме у горцев, общался с палачами. Второй раз оно такое ему ни к чему. – Тогда мальчика буду просто с весточкой к вам посылать, передать на словах, что надобно, мол, встретиться.

– И только так, – настаивает барон. Закончив с текущими делами, он снял с пояса кошель и положил его на стол. – Это тебе, тут двести монет.

– Зачем это? – спрашивает Сыч, но его рука уже лежит на кошельке. – Что за дело?

– Я тебе сказал одеться получше, но теперь думаю, что тебе новая шуба не помешает. Твоя-то уже на рвань похожа.

– О, вот это дело, – сначала радуется Фриц Ламме, а потом вдруг становится серьёзным. – так что, решились вы, значит? Ну, на то дело, что я предлагал вам?

– Пока не знаю – уж больно оно опасно, да и сложно, – Волков всё ещё не мог решиться. Он ждал писем из Вильбурга от герцога и барона Виттернауфа, которые могли развернуть всё в любую сторону. И пока он тех вестей не получит, принимать решение генерал не хотел. – Но шубу и новый колет, берет бархатный и перчатки ты всё равно купи себе. Сходишь в купальню,

разоденся и продолжай ходить по городу, цены спрашивай, ищи дешёвые склады. Ищи компаньонов среди местных. В общем, будь купцом.

– Хорошо, экселенц, так и сделаю, – соглашался Фриц Ламме, тем более что такая работёнка была для него весьма необременительна и даже приятна. И тут, убирая деньги со стола, он вспоминает:

– Ах, вот ещё что.

– Что?

– Топперт рассказал; говорит, может, вам это интересно будет. Это про порох.

– Про порох? – эта тема для генерала всегда была интересна. – И что там про порох?

– Да ежели честно, то он и не знает наверняка, про порох ли, просто рассказал, что пришёл к нему знакомый купчишка, что торгует хмелем, и спросил, нет ли у него, у Топперта, складов. Говорит, на пару месяцев; до тепла, говорит, я свой товар сбуду. А Топперт-то знает, что у того купчишки в селе каком-то, в пяти верстах от города, на той стороне, за рекой, отличные сухие склады, и Топперт у него и спрашивает: на кой, мол, тебе мои склады дорогие в городе, если у тебя у самого сухие склады есть? Вози пивоварам товарец потихоньку и не печалься ни о чём. А тот и говорит, дескать, пришли крепкие мужи и сказали, что хотят арендовать его склад, и предложили хорошие деньги. А Топперт говорит, что, видно, и вправду хорошо предложили, иначе он суетиться не стал бы.

– И где же тут про порох? – спросил у Сыча барон, когда тот, казалось, закончил рассказ.

– Ах да. Тот купчишка Топперту сказал, что те люди искали именно сухой склад, и он сказал, что у других людей они склады уже сняли и хранили там упряжь и всякое другое, и очень крепкие бочки; многие из местных говорили, что в бочках-то порох, не иначе. Так как они не винные, не пивные и не под дёготь.

Волков подумал и спросил:

– А не сказал тот купчишка Топперту, давно ли там эти мужи склады снимают?

– Уж это нужно у самого Топперта спрашивать, – резонно отвечал Сыч, – да и он, думаю, вам не скажет, экселенц.

Глава 7

Уж как генералу не понравилась эта последняя новость. Так не пришлась по душе, что он сразу собрался и от своего помощника ушёл, думая о всяком недобром. Ничего, правда, ему известно не было. Порох? Да какой там порох, болтовня глупых селян, которые увидели у незнакомых людей незнакомые бочки. Впрочем, пороховые бочки и вправду отличались от прочих других. И люди, снимавшие склады... Что за люди? Может, купцы, а может, ремесленники... Кто их знает, может, всё это домыслы... А если нет?

В общем, к себе домой генерал не поехал, а сразу направился в казармы и там приказал разбудить ротмистра Юнгера, командира приданных ему кавалеристов, так как тот проживал со своими подчинёнными, чтобы не тратиться на квартиру. Юнгер, ещё не проснувшись, тряс спросонья своими усами и, как положено кавалеристу, всё порывался седлать коней, но генерал привёл его в чувство и объяснил, что ему надобно:

– Нужен мне из ваших людей самый толковый сержант.

– Да у меня все три сержанта не дураки, мне под стать будут, – заверил его ротмистр.

Роха, дежуривший в эту ночь, явился узнать, что происходит, а пришедший немолодой сержант-кавалерист вошел и представился:

– Сержант Манфред.

– Думаю, что разъездное дело тебе знакомо, сержант Манфред. – произнёс генерал.

– Ну а как же без этого, я, почитай, тридцать лет в кавалерии, – отвечал ему сержант.

– Вот и прекрасно, – продолжал Волков. – Северные ворота, ведущие к пристаням, открываются за два часа до утрени, вот я и хочу, чтобы ты к открытию ворот был там с пятью людьми.

– Ясно, господин генерал. Буду, раз надо. А что дальше?
– А дальше переберёшься на тот берег реки и поедешь в разъезд.
– Угу, – кивал сержант, – к утру быть у ворот, выехать из города, перебраться на тот берег и провести рекогносцировку.

– Да, – согласился генерал. – Всё верно.
– Как далеко отходить от лагеря, то есть города?
– Верст на десять, – отвечал Волков. – и пройдишь вдоль реки.
– Кого ищем? – прежде чем уйти, спросил сержант.
– Обозы, обозы, – задумчиво отвечает Волков. – И добрых людей с ними. Хотя могут они быть и без доспеха и при лёгком оружии.

Когда сержант ушёл, Роха спросил у генерала:

– А что мы затеваем-то?
– Мы? Ничего, – отвечал ему генерал всё так же задумчиво.
– А зачем тогда разъезд? – не отстаёт полковник. – Да ещё и на нашей территории? За рекой ведь земля герцога.

– Слухи, Игнасио, слухи. Я пока и сам ничего толком не знаю, – отвечал Волков, вставая и собираясь уходить.

– Так что за слухи-то? Ну, расскажи, – Роха не собирался его отпускать, пока он ему не расскажет, что происходит.

– Купчишки говорят, что не торгового вида люди на том берегу снимают сухие склады, складывают в них упряжь и прочее, а ещё бочки, на пивные не похожие.

– А что за люди-то? Каковы? Еретики или наши? – продолжает донимать генерала старый приятель.

– Вот ты дурень, Игнасио, – ухмыляется Волков. – Коли я знал бы, стал бы посылать разъезд? Сам не знаю. Говорю же, слухи то, слухи.

Не хотел он пока ничего говорить, даже таким проверенным своим боевым товарищам, как Роха или Брюнхвальд. Но если... если... если... если горожане для ван дер Пильса заранее, по зиме, начали прятать в округе снаряжение и провиант, то появится здесь этот еретик намного раньше мая. Если подготовит магазины, то с малым обозом придёт сюда он уже по весенней распутице, и Волков ни секунды не сомневался, что горожане ему сразу откроют ворота.

Шесть сотен людей имел генерал в своём распоряжении. Всего шесть сотен. У него просто не хватит сил, чтобы контролировать весь периметр стен и все многочисленные городские ворота, даже если он прогонит местных от всех ворот в городе и расставит там свои части. Когда колонны еретиков просто появятся под стенами и у ворот, местным надобно будет собрать всего три сотни в кулак в неожиданном месте, и пусть это будут бюргеры, но их будет три сотни против нескольких десятков его людей. Воевать с врагом, который и внутри, и снаружи... Поди попробуй. Так что местные без труда пробьются к воротам. И всё, ван дер Пильс входит в город... да хоть с тремя тысячами солдат и устраивает его людям бойню. Генерал после подобных размышлений уже не был уверен, что ему удастся после такого собрать и вывести из города своих людей. Одно дело – вояки-бюргеры, с местными офицерами занявшие свои должности по семейному родству или за деньги, и совсем другое – это закалённые в боях фанатики-еретики с опытными командирами и с победоносным маршалом. Коли обстоятельства сложатся подобным образом... Тут и самому неплохо будет ноги унести.

На улице шёл холодный дождь, а дома был тёплый камин и перины, но, даже согревшись, после таких мыслей генерал не сразу заснул.

Так как заснул он уже глубокой ночью, то проснулся, когда уже давно рассвело.

– Гюнтер. Колокола к заутрене звонили?

– Давно, господин, – отвечал слуга, раскладывая его чистую одежду на стул и на кровать.
– И никто меня не спрашивал? – говорит барон и чуть-чуть морщится, потягиваясь и вставая босыми ногами на холодный пол.

– Никто, господин.

Впрочем, а кто его должен спрашивать? Сержант Манфред и не должен так рано вернуться, ну а с текущими делами в казарме – там и Брюнхвальд с Дорфусом разберутся.

– Прикажете подавать завтрак? – спрашивает слуга, когда барон заканчивает умывание.

– Да, подавай.

Он в это утро не много съел. Томас и Гюнтер переглядывались, уж не заболел ли господин? Молоко с мёдом, половину свежайшей сдобной и сладкой булки, которые он так любил, и кофе. И всё. Ни к колбасе, ни к сыру, ни к окороку барон не притронулся.

А ему и вправду не до еды было, он был сосредоточен, вернее даже, напряжён. И это напряжение было заметно слугам. Слуги научились его распознавать так же хорошо, как и его женщины. И когда он заметил их внимание, ему пришлось сделать вид, что он расслаблен, просто не желает в это утро много есть. Генерал не хотел, чтобы его напряжение заметили ещё и его оруженосцы, младшие офицеры и сержанты из охраны. И посему, позавтракав с самым благодушным видом, он сказал Хенрику:

– День промозглый, думаю посетить купальни, погреться. Какая из купален отсюда поближе?

– Так дальше по этой улице, в конце её, есть купальня, – напомнил оруженосец, удивляясь тому, что генерал её сам не вспомнил. – Судя по зданию, она очень неплоха. Туда каждое утро три воза дров привозят. Думаю, там место знатное.

– Нет, – не соглашается генерал. – Это улица еретиков, и в той купальне, думаю, как раз они и моются. Негоже мне, божьему рыцарю, плескаться в одной лохани с безбожниками.

Но дело было не только в его рыцарском статусе, главное – он опасался, что кто-то из местных еретиков, раздосадованный его присутствием, затеет ссору. А теперь он этого боялся ещё больше, чем до вчерашней ночи. Тем не менее, ему нужно было продемонстрировать своим людям, а также и тем местным, кто за ним следил, полное своё спокойствие. И поэтому он продолжил:

– Через две улицы отсюда, кажется, у большой церкви, тоже была купальня.

– А, точно. – вспомнил Хенрик. – У того большого и нового храма, почти напротив, была хорошая купальня. Да, так и есть.

– Тот храм наш, а значит, и в той купальне должны мыться истинные верующие. Туда-то мы и поедем.

Он всё ещё волновался, ведь приехать в заведение с восемью людьми, когда горожане твоих людей и особенно тебя не жалуют и за спиной обзывают холуями герцога, было небезопасно. Но в купальне их встретили если и не радушно, то вполне себе спокойно – может оттого, что там в этот час было немногочисленно. В общем, обслуживали их не хуже, чем других, вода в лоханях была чиста, а в общем бассейне тепла. Вот только вино было так себе, а цену за него просили, как за хорошее. Но Волков был рад и этому, платил без разговоров, лишь бы не было никакой распри с местными. А как время перевалило за полдень, велел фон Флюгену ехать в казармы, узнать, не вернулся ли из разъезда сержант Манфред.

Он уже готов был ехать обедать, когда молодой его оруженосец приехал обратно и сообщил, что сержанта ещё не было. Шесть часов Манфред был в разъезде, видно ездил далеко... Впрочем, нужно было ещё подождать. И тогда, так как повар в купальне не пришёлся ему, решил он пообедать в другом месте. И не стал стесняться, а отправился в заведение «Дубовые столы», в котором обедал с бургомистром Тиммерманом, где распорядитель Рудольф был рад ему как старому знакомому:

– Прошу вас, прошу, господин генерал, – говорил он, показывая барону небольшой стол в уютном и светлом углу. – Один будете обедать?

– С человеком, – отвечал барон, думая, что одному ему будет скучно, и намереваясь пригласить за стол Хенрика.

– Зайца в кувшине, говяжью вырезку с розмарином, свиную голову с капустой, баранью лопатку или, может быть, ещё чего пожелаете? Рыбки, уточку жирненькую?

Волков слышал из сказанного едва половину, так как всё время думал о сержанте кавалеристе, и посему спросил:

– А что будет быстрее всего?

– Конечно, вырезка, и пятнадцати минут не пройдёт, как будет готова. Наш повар знает толк в говядине, вы будете довольны.

– Вот и прекрасно, и вина несите, хорошего.

Действительно, не прошло и пятнадцати минут, как на стол ему лакеи поставили блюдо с отличной вырезкой. Но генерал, хоть уже и был изрядно голоден, сначала звал к себе фон Флюгена и снова отправил его в казармы с тем же вопросом: не приехал ли сержант Манфред?

Фон Флюген даже побурчал немного о том, что гоняют его напрасно, мол, и полутора часов не прошло, как он вернулся с ответом. Но барон был неумолим: езжайте!

Пока он обедал, молодой оруженосец вернулся и повторил: сержант Манфред ещё с задания не вернулся. После чего и хорошее вино генералу разонравилось. Он позвал лакея и рассчитался.

А в казармах всё было спокойно, обычная гарнизонная жизнь. Безделье и обжорство. Конечно, будь город его, он бы давно разогнал солдат по караулам, на заготовку дров, на правку стен и рвов, но кто же ему позволил бы тут командовать? Посему солдаты были рады лениться и обжираться за неплохое жалование, находясь, по сути, на зимних квартирах. Волков же, поговорив немного с Брюнхвальдом и заглянув в карту, которую Дорфус почти уже закончил, сел за один из свободных столов, всем своим видом показывая, что сейчас он ни с кем общаться не намерен. Но просидел он так недолго: едва ему один из кашеваров принёс кружку с пивом, как тут же пришёл дежурный офицер и сообщил, что его желает видеть какой-то человек. Если бы то был сержант-кавалерист...

– Что за человек? Горожанин? Мальчишка? – уточнил генерал.

– Нет, господин генерал, мужик из ближайшего села, – отвечал ему офицер. – Но спрашивает только вас.

– Мужик? И только меня? – удивился барон. – Хорошо, зовите.

К нему привели человека, который и вправду не походил на местного бюргера. Немолодой крестьянин поклонился ему низко и спросил сразу:

– Так вы и есть генерал?

– Я и есть, а что тебе угодно, друг мой? – ласково спросил Волков.

А мужик ему и отвечает:

– Человек, что меня к вам прислал, сказал, что вы мне полталера дадите.

– С чего бы мне тебе давать полталера? – усмехнулся барон.

Но мужик настаивал:

– А человек, что меня просил вас найти, сказал, что дадите. Говорил: обязательно даст.

– И что же это за человек тебя просил? – теперь Волков начинает понимать, что это всё неспроста. Он становится серьёзным и угадывает.

– А того человека зовут Манфред, он из солдатиков ваших.

Ну, тут уже рука генерала сама потянулась к кошельку, он находит нужную монету и протягивает её мужику, а тот с поклоном берёт и говорит, чуть улыбаясь своему счастью:

– Благодарствуйте!

– Говори, – сразу требует барон. – Что тебе велел передать этот мой солдатик Манфред?

Глава 8

– Да не шибко много велел он передать. Сказал, что стоит у ворот, а городские его внутрь не пускают.

– Как так? – удивлённо спросил барон. Он не нашёл ничего другого, что можно было бы спросить в этой ситуации.

Вопрос был, конечно, глупым. Только от растерянности Волков мог задать его. На что мужичок просто развёл руки: как, как? Вот так, не пускают – и вся недолга. А тут ещё и Брюнхвальд подошёл вместе с капитаном Лаубе, встали рядом, стоят и интересуются молча: что тут происходит? Но Волков ни на кого внимания не обращает, он поднимается с лавки и спрашивает у мужика:

– Так у каких ворот тебя встретил мой человек?

– У Глевенских, – отвечает тот.

– У каких? – не понимает генерал.

– Что ведут на Глевен, то есть у восходных.

Теперь Волкову всё ясно.

– Пойдёшь со мной, – говорит он крестьянину.

А тот изумляется:

– Добрый господин, да как же... Мне нельзя... У меня тут телега, вон, у забора вашего стоит. Я свинину привёз торговать.

– За телегой твоей присмотрят, не бойся, всё будет цело, – обещает генерал. – И ещё денег получишь.

Вот тут крестьянин соглашается. А Волков берёт с собой два десятка людей и, разъяснив ситуацию в двух словах Карлу, оставляет казармы на него, сам же торопится к Глевенским восточным воротам. Волков, пока ехал, мучительно решал, что ему делать в этой ситуации.

«Вот ублюдки, – думал барон о горожанам, проезжая по грязным и сырым улицам города. – Они делают всё, чтобы спровоцировать свару и довести её до крови». У него складывалось впечатление, что всем тут управляет крепкая рука с холодной головой. И голова сия его не очень-то привлекает.

Перед каждым воротами, коли город строился по правилам, была небольшая площадь, чтобы при въезде и выезде из города телеги не создавали заторов, не загромождали и без того узких улиц, пока стража и городские сборщики пошлин осматривали товары и взымали с мужичков положенную деньги.

И когда запыхавшийся крестьянин привёл барона и его людей на такую площадь перед воротами, тому сразу бросилось в глаза, что на ней, помимо телег и обычной стражи, четыре десятка вооружённых людей в неплохом доспехе, а ещё... четыре офицера. Они стояли особняком и о чём-то переговаривались. Все в дорогих кирасах и шлемах, в плащах с мехом и при офицерских шарфах. У барона не было никаких сомнений, что его тут ждали. Как только он и его люди появились у ворот, как военные зашевелились, а офицеры, прекратив беседу, все стали смотреть в его сторону. Бюргеры знали, что он сюда приедет. Как он об этом не подумал? Ведь здесь, у ворот, так легко было устроить ему засаду, достаточно теперь просто перегородить улицу, по которой он сюда приехал. «Не посмеют! – подумал генерал. – Не посмеют они напасть на представителя герцога». А сам тем временем уже оглядывался, прикидывал, что делать, если его решат тут убить.

В общем, в складывающейся ситуации главное было – не тянуть время и разрешить вопрос быстро, и он приказал:

– Хенрик и фон Флюгер, со мной, Майнц, прикажи остальным спешиться.

Среди его охраны народ был отборный, почти все сержанты, и семеро были из мушкетёров, так что лучше им быть пешими, хотя, конечно, это их не спасло бы: в отличие от присутствующих здесь городских солдат, у людей Волкова древкового оружия не было. Сам же

он поехал к офицерам, что стояли у стены. Его немного успокаивало то, что офицеры ведут себя весьма непринуждённо и находятся отдельно от своих солдат. Люди, которые собираются драться и убивать, так благодушно вести себя вряд ли смогут. Он приблизился к ним и, чтобы не показаться высокомерным, слез с коня и, кинув поводья фон Флюгену, подошёл к офицерам и поклонился им учтиво. Они ему тоже кланялись, но поклоны их были коротки, скорее смахивали ни кивки. При этом они улыбались с эдакой ехидцей, словно спрашивали: чего это ты прибежал? Хотя сами прекрасно знали ответ на этот вопрос. Но уже это их поведение чуть успокоило барона, они собрались купаться в заносчивой спеси, но, судя по всему, не собирались нападать. Одного из офицеров Волков узнал, это он приходил к нему на пир и был там рьян, дерзок и отказывался садиться за стол, несмотря на все приглашения генерала. Это был тот молодой офицер, что был подпоясан красно-жёлтым шарфом, он и сейчас был в нём.

– Добрый день, господа, – вежливо начал генерал. И тому офицеру в шарфе поклонился как знакомцу отдельно. – Добрый день.

– Что вам угодно, генерал? – сухо и почти холодно спросил один из офицеров, видимо, старший из них.

– Случилось дело, коего в добрых отношениях союзников быть не должно, – начал Волков. – Люди мои вышли за ворота города, и теперь их обратно не пропускают.

– Вот как, неужели? – притворно и с насмешкою удивился офицер. И на лицах его товарищей также было заметно ехидство.

– И я полагаю, что это никчёмная случайность, и посему она скоро разрешится с благоприятностью для всех, – не замечая их невежливого поведения, продолжал генерал. – Думаю, что офицер, распорядившийся их не впускать, не знал, что это мои люди. Люди Его Высочества курфюрста и герцога Ребенрее.

– Офицер, распорядившийся их не впускать, прекрасно знал, кто они, – продолжал тот же человек, которого Волков полагал старшим из них.

– Ах вот как? – барон сделал вид, что удивлён. А потом и добавил, всё уже понимая: – Рискну предположить, что это вы и есть тот офицер?

– Да, это я и есть, – всё так же холодно отвечал ему человек.

Волков всего на секунду задумался, чтобы вспомнить происходивший в таверне разговор с разжалованным ротмистром Кохнером, где тот упоминал имя некоего капитана...

– А имя ваше, наверное... ван Куттен?

– Да, это моё имя, – отвечал офицер. И добавил с заметным вызовом: – И ваших людей впускать в город запретил я, – как бы подразумевая сказанным: ну и что ты теперь сделаешь?

– Но это какая-то ошибка, – Волков даже развёл руками, он изображал удивление.

– Ошибкой было пускать вас сюда, – заметил один из стоявших за ван Куттеном офицеров.

– Странно, – всё ещё удивлялся генерал. – Странно слышать такое от союзников.

– Вы союзники? А зачем ваши солдаты рыскают по округе? Чего они вынюхивают? – весьма грубо интересовался тот городской молодец, который носил шарф цветов Левенбахов.

– Они осматривали земли, что принадлежат герцогу Ребенрее или его вассалам. Почему же людям герцога нельзя оглядеть земли своего господина?

Сам генерал при этом посмотрел на молодого офицера с красно-жёлтым шарфом на поясе с дружелюбным недоумением.

– Союзники не проникают в дом хитростью, как воры, – дерзко выговорил ему на это приспешник Левенбахов.

– То есть вы не впустите моих людей в город? – уточнил генерал, уже прекрасно понимая, что ни уговорами, ни даже деньгами, этот вопрос решить не удастся. А на случай применения силы они как раз и нагнали сюда народа в доспехах. Будь у него возможность, представься ему такой случай, так всех этих офицеров во главе с ван Куттеном он... ну, к примеру, велел

бы утопить в ближайшем колодце, а дурака, кичащегося своим красно-жёлтым шарфом, так вообще приказал бы повесить, как вора, на этом шарфе, но сейчас, к сожалению, ему нужно было терпеть и их заносчивый тон, и их злобные выпады. Да, терпеть...

И посему он со всем возможным дружелюбием произнёс:

– Ну что ж, впускать кого-то в город – это ваше исконное право, на которое герб Ребенрее и тем более я, барон Рабенбург, покушаться не смеем, но я прошу вас об одном, господа: я прошу пропустить сюда моего сержанта, чтобы я мог отдать ему распоряжения перед тем, как он отправится в Вильбург. Я был бы вам очень признателен.

– Можете выйти за ворота и там поболтать со своим сержантом, – остроумно и с улыбочкой предложил ему молодой офицер в красно-жёлтым шарфе.

– О, нет-нет, – засмеялся генерал, – этот трюк со мною не пройдёт, вы потом так же меня не впустите, – и тут он снова обращается к ван Куттену: – Господин капитан, разрешите моему сержанту войти в город, я просто передам ему денег на дорогу и пару наставлений. Обещаю: через пять минут он навсегда покинет ваш гостеприимный городок.

– Нечего ему тут делать, – снова влез в разговор молодой офицер. Но это и спасло дело. Ван Куттен недовольно на него обернулся, глянул зло, чтобы приструнить дурня, который подрывал его авторитет, а потом, с пафосом человека, вышедшего из горожан и теперь наделённого властью, произнёс:

– Пусть войдёт ваш сержант, – и чтобы, наверное, ещё больше унижить барона, добавил: – Только пусть пешком идёт, коня за воротами оставит.

– Да, конечно, конечно, – кивал генерал. Он согласен был на любые условия, лишь бы поговорить с сержантом. И, обернувшись к оруженосцу, распорядился:

– Фон Флюген, пусть тот мужик, что принёс от сержанта Манфреда весть, идёт за стену, найдёт сержанта и скажет ему, что его одного сюда впустят, только без коня, и пусть поторопится.

– Ещё раз, господин генерал, я не всё понял, – произнёс запутавшийся оруженосец.

– Болван, – раздосадованно произнёс генерал и пошёл к мужику сам. И сам ему всё объяснил. Мужик был не рад тому, что его, простого человека, втягивают в такие непонятные и опасные дела, но теперь-то противиться было поздно. Что ж делать – пошёл. И вскоре в проёме ворот появился сержант.

Кавалериста в его кавалерийских, тяжёлых и неудобных для ходьбы сапогах, всегда можно узнать по походке. Так и проковылял он мимо стражи, чуть раскачиваясь, а по лицу было видно, что зол, смотрел на местных офицеров и стражников волком, едва не плевался в них. Подойдя к генералу, даже не поприветствовав его, начал:

– Задирали нас на входе, пузаны проклятые, одного из моих людей в лицо древком алебарды ударили. Обзывались всяко. Холуями герцога и прочими дурными словами.

– Да, знаю, как они умеют, на это они мастера, – отвечал ему Волков и, понимая, что на него смотрит не один десяток глаз, вид имел благодушный, едва не улыбался.

– Думал уже, если не пустят, пожгу им посады вокруг города, – продолжал сержант.

– Тише ты, тише, – уже шипел на него сквозь зубы барон; хоть и мысль эта пришлась ему по душе, но допустить подобного он, конечно, не мог. – Ты лучше расскажи, что видел за рекой? Нашёл что-нибудь, за чем я тебя посылал?

– Нашёл, нашёл, – тихо говорил Манфред, он перешёл почти на шёпот. – В десяти верстах от реки ровно на север есть деревня Тифоли, так вот там я этот обоз и нашёл.

– Обоз? Что за обоз?

– Обозик-то непростой, шесть двуконных тридцатипудовых телег с поклажей, все тяжёлые, все покрыты рогожей, при телегах только возницы да один мужичок.

– Купец?

– Какой там! Офицерика от купчишки отличить много ума не нужно, даже ежели человек в простом платье. И при железе он был, и сидел на коне ловко, да и конь у него не купеческий. Офицерик или сержант.

– А что везли, не поглядел?

– Ну, приподнял мой человек рогожку на одной телеге, заглянул туда, значит.

– Бочки?

– Бочки, господин генерал. Трёхвёдерные. Как положено, шесть бочек на телегу. И офицерик, что при обозе был, обозлился, подскакал да начал орать: дескать, чего вам тут нужно, чего лазите?!

Шесть бочек на телегу. Расчёты поклажи на один воз, который вмещал в себя тридцать пудов, знал любой офицер. И даже корпорал, который отвечает за добро своей корпорации. Чтобы не ломать осей и не надрывать лошадей по плохим зимним дорогам, в телегу надобно было ставить не больше шести трёхвёдерных бочек, если везёшь в них свинцовые пули, например.

– Думаешь, везли пули? – размышлял генерал.

– Ну, либо пули, либо картечь, либо ядра, – предполагал сержант, – уж точно не пиво.

– А может, кто гвозди какие вёз, – высказал мысль генерал, на что солдат Манфред только развёл руками.

Но всё это было, конечно, ерундой. Вряд ли кто бочки с гвоздями стал бы укрывать от людских глаз рогожей, чего их, гвозди, прятать-то? Какая в них тайна?

– А офицерик, говоришь, обозлился? – задумчиво спросил барон.

– Ага, аж покраснел, не побоялся, что нас шестеро, налетел, начал орать, – рассказывал сержант.

Вот тебе и сказки купчишек про порох. Теперь у Волкова не было сомнений, что горожане ждут ван дер Пильса, ждут, пузатые, готовят ему склады. И прийти он должен раньше, чем цу Коппенхаузен соберёт войска и доберётся до города. Придёт по весне, по бездорожью, а чтобы не тащить по грязи с собой обоз, он либо сам, либо через горожан собирает себе магазины в местных деревнях. Придёт с малым обозом, а у него уже всё тут приготовлено. «Не удивлюсь, что где-то за рекой и пушки припрятаны». А посему Иероним Фолькоф, Рыцарь Божий, господин Эшбахта, барон фон Рабенбург с его людишками был горожанам костью в горле, которую надобно будет вытащить. Когда? Да как только появятся на горизонте знамёна проклятых еретиков. Ну, будь Волков на месте горожан, он именно так и сделал бы.

– Слушай меня, сержант, – начал он, залезая в кошель за деньгами, – в город тебя всё равно не пустят, поэтому езжай в Вильбург, и побыстрее, а герцогу и барону Виттернауфу расскажешь всё, что видел, и добавишь от меня вот ещё что...

Глава 9

Он поклонился городским офицерам со всей доступной для него куртуазностью и всё с той же благожелательной улыбкой, чтобы они и не подумали, что этот разговор с сержантом вынудил генерала принять решение. Волкову было уже понятно, что в городе до мая, до прихода главных сил, он не досидит. И в лучшем случае придётся ему с боем прорываться к воротам, а в худшем... Его попытаются убить до того, как он доберётся до своих людей, не дав ему с ними объединиться. Отсекут голову от рук. Просто приведут сотню людей ночью, обложат его дом на улице Жаворонков со всех сторон и подожгут. И не позволят кому-то из его телохранителей или оруженосцев пробиться в казармы. Потом, возможно, людям герцога и повезет, и Карл Брюнхвальд выведет отряд из города, но Волкову будет уже всё равно. Его к тому времени будет волновать суд Божий, а не судьба его людей. Но и забраться в казарму под защиту своих пик и мушкетов он сейчас не мог. Как только он так поступил бы, горожане поняли бы, что ему что-то стало известно либо он к чему-то готовится. Иначе чего генералу прятаться? Тем более, ему нужна была некоторая оперативная свобода, так как он уже решил

действовать, а из казарм не много науправляешь тайными делами. В общем, решение было принято, и он весьма бодро поскакал домой, чтобы понять, что у него есть для задуманного.

Ах, если бы знать всё наперёд... Волков уселся у ларца, в котором хранил свои деньги, да и полковые тоже. Два отделения – одно небольшое для золота и одно большое для серебра. Ему и считать было не обязательно, он приблизительно знал, сколько у него осталось после того, как он дал денег Брунхильде и выдал Сычу. Он и не считал, просто открыл ларь и сидел перед ним, прикидывая свои расходы, и время от времени запуская в монеты руку, чтобы почувствовать тяжесть денег. Две тысячи талеров и шесть сотен солдат – вот всё, что у него было. Ну, если не считать пройдоху Сыча. Да, но Сыч-то у него был, и в сложившейся ситуации барон возлагал на него большие надежды. Теперь, после того как он решился, его одолевал зуд деятельности. Он хотел побыстрее увидеть Фрица Ламме. Но ещё не стемнело, а посему нужно было ждать. А сидеть просто так у открытого ларца не хотелось, и он, захлопнув крышку и провернув ключ в замке, позвонил в колокольчик.

– Что угодно, господин? – тут же появился в дверях покоев Томас.

– Господин Брюнхвальд не появился ещё?

– Нет, господин.

– Ну тогда зови Хенрика.

Когда Хенрик пришёл, барон распорядился:

– Друг мой, езжайте и найдите мне Вайзингера, скажите, что желаю его видеть сегодня.

Пусть ждёт меня в казармах, как стемнеет.

– Да, генерал, – отвечал ему оруженосец.

– Скажите, чтобы когда шёл – смотрел, не следят ли за ним.

– Хорошо.

– Хенрик, – остановил его Волков, когда тот уже уходил.

– Да, генерал.

– Сами тоже оглядывайтесь, могут и за вами следить.

– За мной не уследят, господин генерал, – заверил его оруженосец.

После того как Хенрик ушёл, генерал снова отпер свой ларец и снова запустил пальцы в монеты. Серебро. Золото. Деньги – верные друзья, которые должны были ему помочь. Он ждал вечера, видел, как уже темнеет за окном, и, пока не стало совсем темно, хоть и не был ещё голоден, просил себе ужин.

Наверное, первый раз за все годы знакомства он видел Фрица Ламме таким чистым и выбритым. Тот был в чистой рубашке, такой белой, что, глядя на неё, не хотелось называть её обладателя Сычом. Только Фридрихом Ламме. Никак иначе.

– А вот ещё берет, – говорил Сыч, отойдя к кровати и показывая господину хоть и немного старомодный, но вполне себе приличный головной убор с белым пером цапли на серебряной заколке.

– А шубу? – спросил генерал. – Купил?

Тут Сыч покачал головой и гневно произнёс:

– Тут их не укупишь! Сволочи! Один сквалыга просил за простую лисью, такую короткую, что зад не прикрывает, девяносто талеров. И ведь не уступил, подлец, ни монеты, я подумал-подумал, и решил, что обойдусь пурпуэном, – он берёт с кровати и показывает генералу новую одежду. Волков даже усмехается, услышав от Сыча неместное и изысканное название одежды. Фриц Ламме очень старался, выговаривая этакое словцо.

– Пурпуэн? Это тебе так продавец его назвал?

– Ага, – кивает Сыч. – А что? Кажется, неплохая одёжка.

– Думаю, он с тебя за это словцо пару лишних талеров содрал, – разумно предположил барон.

– Я ж говорю, они тут все сволочи, – сразу отозвался его помощник, впрочем, он не очень расстраивался: платил-то за одежду хозяин, а он богач, известный на всё графство Мален.

Волков же повнимательней рассмотрел одежду. Вообще-то это был обыкновенный дублет, но сшитый хорошо, а недешёвый его зелёный атлас неплохо сочетался с опушкой чёрного меха и тонкой вышивкой на груди.

– Он на тебе хоть застегнётся? – спрашивает генерал. – Ты же отрастил себе брюхо, на семейной-то стряпне.

– Всё застёгивается, – заверил его Ламме, – я проверял. Мерил.

– А ну-ка надень всё, что купил, – требует Волков.

– И обувь? – уточняет Сыч.

– И обувь, – кивает генерал.

Пока Фриц Ламме одевался, Волков попивая вино, молча смотрел на него. А Сыч, напялив на себя всю свою новую одежду, расцветает – видно, представляет, как в таком виде вернётся к молодой жене. Наконец, застегнув почти все пуговицы на дублете, разводит руки – смотрите на меня, экселенц, вот я каков, – и тут же корчит гримасу:

– Ботинки жмут мальчика, ну это ничего – растопчу. Пару дней потопая, и всё будет нормально. Уж больно крепка кожа, но как растопчу, так сноса не будет.

– Это хорошо, что ты не бываешь при дворе курфюрста, – меланхолично замечает господин.

– Это почему ещё? – удивляется Ламме. Ему кажется, что в таком виде он сошёл бы на приём у герцога за своего. Да нет, Фриц был уверен в этом.

– Тебя бы убили, – уверенно говорит барон.

– Убили? За что это? – ещё больше удивляется Фриц Ламме.

– За несуразность, – без малейшего намёка на веселость говорит барон и поясняет свою мысль: – Как ты только умудрился так подобрать свои вещи, что ни одна к другой не подходит? Ни цветом, ни фасоном. Ты специально так их подбирал? Зачем ты вообще купил оранжевые чулки?

– Так все богатеи носят такие, – пояснил Сыч.

– Такие носят только сумасшедшие ландскнехты и прыщавые юнцы, мечтающие о нестарой ещё вдове. Ты бы ещё разноцветные купил, – нравоучительно объяснял своему человеку барон.

– Что, совсем плохо? – Сыч даже, судя по всему, немного расстроился. Он-то надеялся, что будет выглядеть не хуже, чем сам барон, и тот его похвалит.

– Нет, не плохо, – Волков махнул рукой. – Пойдёт. Ты из захолустья, купчишка из Финляндии. Так что...

Да в общем, всё было нормально, просто человек, видно, из мужичков поднялся, ну, к примеру, не в городе вырос, а деньжатами обзавёлся. Вот таков получился. Ничего. Так даже правдоподобнее.

– Ну что, экселенц, пойдёт? – уточнил Ламме.

– Пойдёт, – согласился генерал, – но во дворце в таком виде, в этих чулках, тебе лучше не появляться.

– Не пустят? – интересуется Ламме.

– Пустят, но по дворцу ходит всякий мерзкий люд, бездельники, миньоны герцога, они ничем себя занять не могут и цепляются ко всякому от скуки, а кто, не дай Бог, огрызнётся, так тянут на поединок.

– И что же, и меня цеплять будут? – улыбается Фриц.

– Да уж твои-то чулки не пропустят, – заверил его барон.

– Ну и к хренам тогда этот дворец, – весело говорит Ламме и начинает расстёгивать дублет. – Ноги моей там не будет.

– Очень мудрое решение, – со вздохом произносит генерал и наклоняется от стула вправо. А там, на полу, давно, ещё с его прихода, лежит крепкий холщовый мешок. Он берёт его, не без труда поднимает и кладёт на стол.

– Та-ак, – тянет Фриц Ламме, глядит на мешок и садится напротив барона. Он улыбается нехорошей улыбкой. – Думается мне, экселенц, вы всё-таки решились на моё дело.

– Сам бы я, может, и не решился бы, не поспособствуй к этому горожане, – отвечает барон. – В общем, выхода у меня другого нет. Вот только дело мы сделаем не по-твоему, то уж слишком грубо будет, издали видно, что шито оно белыми нитями, а сделаем его по-моему. Иначе нас сразу раскусят, тут тоже не дураки живут. Народец здешний – купечество, негодяи хитрые и расчётливые. Их просто так не проведёшь.

– Ну и как же мы его начнём? – спрашивает Фриц Ламме.

Барон немного подумал, а потом и говорит:

– Ты – Фриц Ламме, разбогатевший купчишка из Фринланда, приехал сюда в поисках торговых связей и товарищей.

– Ну так я всем так и говорю, – соглашается Ламме.

– Кстати, – вспоминает Волков, – а как ты местному люду представляешься? Надеюсь, не Фрицем Ламме?

– Нет, конечно, – отвечает Сыч, – я-то стараюсь не сильно имя своё рассказывать, но когда нужно с кем-то посидеть, поговорить, связями обзавестись, как вы и приказывали, экселенц, уж тогда и называюсь.

– А как называешься? – уточняет господин.

– Фердинандом, – отвечает ему помощник.

– Фердинандом? – переспрашивает Волков, а сам хмурится, как будто не понимает чего-то или не расслышал сказанного.

– Ага, – Фриц Ламме улыбается. Ему явно нравится его выдуманное имя. – Фердинанд Константин.

Но барон осаживает его резко:

– Дурак ты, Фердинанд Константин. Отчего ты себя ещё Карлом Оттоном не окрестил?

– Ну уж это... – отвечает Фриц Ламме и разводит руками: это уж чересчур.

Волков закрывает глаза, начинает тереть их рукой и приговаривать:

– Ох и дурак, ох и дурак, – наконец он смотрит на своего помощника и спрашивает: – Ты хоть в зеркало на себя смотришь иногда?

– Смотрю, а что? – в ответ спрашивает Ламме.

– Чаще смотри! – злится Волков. – Чтобы понимать, где ты, а где Фердинанд Константин.

– А чего? – удивляется Сыч. – Чего?

– Ты мог быть Ёганом Лемке или Гансом Шлиманом, или, к примеру, Дитрихом Фишером, или кем угодно... Ну а какой из тебя Фердинанд Константин? – и тут генерал неожиданно вспоминает и с некоторой долей тревоги спрашивает: – А фамилию какую ты себе выбрал, Фердинанд Константин? Уж не Габенберг, надеюсь?

– Зальцер, – нехотя бурчит Фриц Ламме.

– Зальцер, – генерал вздыхает облегчённо. – Слава Богу, что не Левенбах или не цу Коппенхаузен.

– Ну, так получилось, – тоже вздыхает Сыч. Он, кажется, и сам теперь понимает, что это имечко ему не очень-то подходит. А уж для будущего дела и тем более. И оба они осознают, что теперь уже ничего не исправить. Придётся ему и дальше быть Фердинандом Константином Зальцером.

– Как? – не понимает Волков. – Фриц, я же тебя за умного полагал. Как у тебя «так получилось?».

– Ну, я когда к хозяйке пришёл, комнату снимать... А она вдова... И ничего себе такая. Ну вот...

– Что?

– Она спросила: как вас величать? Я и сказал. Ну а что делать было? Не настоящее же говорить? А чего оно вам... То есть, чего это имя вам так не пришлось? – не понимает Фриц Ламме.

– А то, болван, что это имя твоё будут горланить глашатаи у всех больших церквей и рынков, и вообще по всему городу.

– Это ещё зачем? – искренне удивился Сыч. Он-то думал, что дело у него будет, может, и кровавое, но тихое и тайное.

– Потому что ты, Фердинанд Константин Зальцер из Фринланда, устраиваешь в фехт-шULE «Непорочной девы» турнир мечников и других бойцов.

– Турнир? Я? – Сыч, кажется, даже немного испугался.

– Ты, Фердинанд Константин, ты, – твёрдо произнёс генерал и подтолкнул к нему поближе тяжёлый мешок с серебром. – Тут шесть сотен для тебя на проведение турнира.

– Турнир? – Фриц Ламме всё еще не верил, что это происходит с ним. – Какой ещё турнир?

– Обычный турнир, – уже чуть успокоившись, говорил Волков. – Ты, что, никогда не бывал на турнирах?

– Да пропади они пропадом, – сразу ответил Сыч, – прыгают, бьются, дурни, а всё чтобы бабам понравиться. Машут там своими железяками, пыжатыся... – он весело трясёт головой и ухмыляется. – Аж смешно, ей Богу!

– И что же, ты никогда не хотел владеть мечом? – удивился барон.

– Эх, экселенц, – ухмыляется многомудрый Фриц Ламме, – мечи – это для вас, для благородных, а с меня кистенька да ножичка хватит, да удавочки, лишь бы ночка была потемнее, да улочка потише. А уж если ночью меня такой вот господинчик с мечом встретит, то и выхватить его не успеет. В этом вы уж не сомневайтесь. А белым днём так я к такому храбрецу и близко не подойду, авось не дурак.

Глава 10

Тут Волков и не нашёлся, что ему и ответить, он-то, зная Сыча давно, как раз не сомневался, что случись такая встреча – и живым выйдет из схватки именно этот крепкий и ловкий, хоть неказистый на вид человек, а вовсе не боец, обученный бою честным оружием.

Тем не менее барон продолжил:

– В общем, устроишь турнир.

– Устроить-то устрой, раз надобно, но ведь у меня могут и спросить, на кой чёрт я это затеваю, – резонно заметил Ламме.

– Так все делают. И гильдии оплачивают турниры, и отдельные купцы, чтобы поднять свой авторитет в городе, чтобы показать себя достойным, небедным партнёром в будущих сделках. Оплата городского пира или турниров – лучший способ для приезжего купчишки показать себя, – объяснял ему Волков, удивляясь, что Ламме этого не знает.

– Так про то я слышал, то мне понятно, – говорит Сыч, чуть сомневаясь. – Но ведь дело сие денег стоит больших. Выгорит ли то, что вы замышляете?

Волков секунду молчит; в его голове план уже сложился, и он думает, как бы довести его до Сыча. Наконец он начинает:

– Большие гильдии, банки или богатые коммуны содержат на свои средства чемпионов, первых бойцов в фехтовальных школах, а иной раз и целые школы. Это, во-первых, престиж, а во-вторых, всякий купчишка или меняла желает, чтобы при нём были умелые головорезы. Нобили городские, они всегда приходят посмотреть на своих чемпионов, когда те выступают в поединках. На таких турнирах приезжие купцы знакомятся с местными, это ещё и знак, что

приезжий – человек не нищий. И твоя задача – устроить такой турнир, и главное..., – тут барон снова задумался.

– Ну, что? – торопит его Сыч. – Какая моя задача?

– Твоя задача – устроить свару между бойцами двух школ. Как говорили прашуры, «инцидентис».

– Двух школ? Вы же вроде сказали, что турнир надобно провести в одной школе, этой... «Непорочной девы», – не понимал Сыч.

– Да, именно так, но турнир должен быть открытый, в котором дозволено будет принимать участие всем.

– А, теперь понял, – кивал Ламме.

– А чтобы нам быть уверенными в том, что еретики из фехтшULE «Арсенал» придут участвовать, мне придётся раскошелиться, – продолжал свою мысль барон. – И посему за победу в первой дисциплине – меч и кинжал – ты назначишь в приз золотой кубок.

– Ишь ты, не жирно ли? – восхитился его помощник.

– Жирно, конечно, дорого, да делать нечего, – вздыхал Волков. – Ещё назначишь призы второму, третьему и четвёртому бойцам. А ещё призы по сто талеров в дисциплинах меча и баклера, молота и алебарды. Узнаешь про аренду зала... Такие турниры идут, как правило, два дня; нужно будет арендовать зал, а для почётных гостей придётся купить вина хорошего, сыров, сладостей и прочего. Привезти туда мебель для них же. Кресла, столы.

– Это же какая прорва денег надобна! – сокрушённо качал головой Фриц Ламме.

– Прорва, – соглашался барон. – Хорошо, если в тысячу уложимся.

– Моя-то затея куда дешевле была, – продолжал Сыч.

– Верно, только очень уж груба она; пойми ты, палкой, ножом и пятьюдесятью монетами нам здесь не обойтись, непросты тут людишки, непросты... Нас сразу горожане раскусят и выпрут из города с боем, да ещё герцогу на меня нажалуются, меня же выставят виновным. Так что пойдём путём длинным и дорогим, но зато похожим на правду.

– Ну, как знаете, только денег мне ваших очень жалко.

– А мне ещё жальче, – сказал генерал и продолжил: – Поедешь на Собачью улицу – кстати, купи себе мула или мерина... Негоже тебе, богатому купцу, пешком ходить.

– Эх, я коня хочу, – мечтательно произнёс Сыч, – у меня же в Эшбахте конь. Ну, вы и сами видали.

– Слышишь, ты... Фердинанд Константин, – вспомнил генерал. – купчишки на конях не ездят. Так что мул или мерин, да и тот чтобы небольшой.

– Понял, понял..., – заверил его Ламме.

– Так вот, поедешь на Собачью улицу и найдёшь лавку Хольца – он торгует посудой и украшениями – и купишь у него главный приз.

– Ага, и что? Там у него есть кубок? – догадался Сыч.

– Точно, – говорит Волков, – купи тот кубок, но торгуйся с ним за каждый талер. Купишь, так езжай в фехтшULE. Узнаешь, кто там старший, и скажешь, что желаешь устроить турнир.

– А вдруг откажут? – сомневается Ламме. – Скажут, не надобно нам такого, ступай с Богом.

– Эх, Сыч, иногда кажешься таким умным, а иной раз дурак дураком! – Волков смотрит на него с упреком. – Это всё равно как если ты к мельнику привёз зерно и попросил его смолоть, а тот ответил, мол, не надобно мне, ступай с Богом. Нет, не должны тебе отказать, каждой такой фехтшULE нужны ученики: и хорошие, и плохие. Они же туда деньги приносят, чем известнее школа, тем больше учеников в ней, а что школе приносит известность?

– Турниры, что ли? – догадался Фриц Ламме.

– Турниры, конечно. Придётся, так тебе там ещё и порадуются, что ты им денег принёс. И учителя, и ученики, и хозяева. Все деньгам будут рады. Так что договаривайся на ближайшую

субботу; как договоришься, езжай и найди городских герольдов. С ними тоже не скупись, пусть до самой субботы на весь город растреляют, особенно пусть упирают на большие призовые. Чашу золотую у тебя заберут и выставят в школе на обозрение как главный приз. Пусть людишки в школу ходят и смотрят.

Сыч кивал головой: дескать, да, да, всё понял. Но вид у него был немного испуганный – или обескураженный, видно, не готов он был к такой задаче. И Волков, видя это, ему говорил:

– Ну, Фриц Ламме, чего ты? Ты же за реку к горцам ходил, не боялся; чего сейчас лицом бледен?

– Ну, к горцам... Там всё проще было. А тут чаши, герольды, фехтшутле разные, всё непонятно, всё впервой.

– Всё это ерунда, купчишки не умнее тебя будут, а за такое берутся без сомнения. Устраивают и городские фехтовальные турниры, и даже большие турниры рыцарские, на которых не брезгают бывать знатные рыцари и даже князья. Чего тебе бояться, ну... чего?

– Ох, – вздыхает Сыч. – Даже и не знаю...

– Вот и не думай лишнего, просто делай. Главное не забудь.

– А что главное? – Ламме стал внимателен.

– Главное – когда почувствуешь, что народец уже готов твои денежки заполучить, скажи, что желаешь, чтобы судьи все были веры истинной.

– То есть чтобы среди судей не было еретиков? – уточнил Сыч.

– Именно; скажи, что не очень доверяешь лютеранам – но только не вздумай их хаять, – Волков сделал на этом ударение. – Без злобы и без лая, просто ты не уверен, что лютеране могут быть честны.

– Ага, – помощник всё запоминал. – Значит, на лютеран не злоствовать, но просить, чтобы среди судей их не было, дескать, нечестны они.

– Да.

– Так, – Сыч был очень серьёзен. – Ну а что мне делать, с чего начать-то хоть? Куда пойти поначалу?

– Для начала встань пораньше и купи себе мула, ты же богатый купец, что на прихоти свои может потратить тысячу талеров...

Но тут Сыч его перебил, не дав договорить:

– Так, может, всё ж коня?

– Не вздумай туда на коне ездить. Купцы на конях не ездят. Кони – это расход лишний. А они денежку берегут. Даже богатые. Так что покупай мерина, а лучше мула, как я и говорил.

– А что же я богатый купец, а без слуг?

– Всем говори, что все слуги воры, и ты своего последнего две недели как погнал за воровство. Теперь вот нового ищешь, да пока не нашёл, так как город чужой, народа здешнего ты не знаешь, а без рекомендаций брать никого не хочешь, так как опять же все воры вокруг.

– Вот эдакий вы ловкий, экселенц, – восхитился Фриц Ламме, – вот на всё у вас уже ответ готов, про что ни спроси. Ну ладно, куплю мула с седлом, а дальше что?

– Потом езжай на Собачью улицу, купи чашу, только торгуйся.

– Ага, поторгуюсь, а дальше?

– Дальше с кубком езжай уже по делу. Фехтшутле «Непорочной девы». Зайдёшь, спросишь, кто тут старший, а как ответят тебе, сообщишь, что приезжий купец, имя своё прекрасное назовёшь и скажешь, что желаешь провести турнир.

– И всё?

Волков поднялся со стула.

– И всё, дальше тебя как рекой понесёт. Как уговоришься с мастерами в школе, так иди к герольдам, заплати им, чтобы оповестили город про твой турнир. Вот и всё... Дел-то...

– Уж так не говорите..., – всё ещё волновался Фриц Ламме.

– Ладно, пора мне, – барон похлопал по мешку с серебром, – деньги с собой бери, тут не оставляй, как разойдутся, я еще занесу.

– Экселенц? – Сыч вытаращил на него глаза. – Вы, что, уходите уже?

– Время уже за полночь, а у меня ещё дела. Не до утра же мне у тебя тут сидеть.

– У меня столько вопросов к вам, экселенц... Дело-то непростое.

Волков уже не слушал его, но решил всё ещё раз повторить:

– Не забудь: встанешь пораньше, поедешь купишь себе мула, позавтракаешь и поедешь на нём за чашей, торгуйся за неё как следует, торгаш – знатный сквалыга будет, сразу не уступит; а уже с нею поедешь в школу и там обо всём договоришься. Не бойся, ты же Фердинанд Константин Зальцер, торговец ячменём, лесом и углём из Фринланда, а не какой-нибудь Фриц Ламме из Эшбахта, у тебя всё получится. Главное, не забудь настоять, чтобы все судьи на турнире были истинной веры.

– Уж попробую не позабыть..., – сомневался, вздыхал и крестился Сыч. – Ну, дай-то Бог. Дай-то Бог.

А Волков сделал то, что делал очень редко – он протянул своему верному помощнику руку:

– У тебя всё должно получиться, Фриц Ламме. Другого пути у нас просто нет.

– Да я уже понял, уж постараюсь, – отвечал Сыч, вставая и крепко пожимая руку господина. – А когда теперь встретимся?

– Завтра же в это время и приеду, жди меня, откроешь сам, чтобы хозяйка меня не видела.

Ночь-не ночь, а дела сами себя не сделают. И как всегда: в сытые и спокойные дни сон к нему мог не идти до полуночи, а тут – на тебе – и навалилась усталость, как раз когда время пришло действовать.

Приехал в казармы, а там, несмотря на ночь, веселье: прямо в караульной вино рекой, а за главного за большим столом восседал не кто иной, как полковник Игнасио Роха. С ним за столом пьянствовали ещё два ротмистра и один старый сержант Шеторд из Эшбахта, знакомый барону ещё по кампании против горцев. Все были изрядно пьяны и веселились от души. Ну, кроме сержанта, который, как увидел генерала, так сразу стал серьёзным, несмотря на хмель.

– О, господни генерал, – Роха встал с лавки и едва не повалился на пол, чудом устоял на своей деревяшке. Он радушно распахнул объятия. – Друг мой, давай выпьем, – он тут же обернулся к своим собутыльникам. – Скажу я вам, господа, что господин генерал... ого какой... не дурак выпить! Я его ещё молодым помню! Ох и проворен был наш генерал. Ох и проворен...

– Что ты несёшь, чёртов пьяница?! – разозлился на старого товарища генерал. Он ночь не спал, дела в городе шли к опасному концу, нужно было срочно что-то предпринимать, а эти олухи от ленивой казарменной жизни стали пить по ночам. Странно, что ещё девок не приволокли в расположение. – Что ты тут устроил, старый мерзавец?!

– А что такого? – искренне удивляется полковник.

– Убирайтесь все отсюда! – рявкнул Волков, он оборачивается к людям, приехавшим с ним. – Хенрик, найдите мне капитана Вилли.

– Фолькоф, – идиот Роха ещё и усугубляет положение, при всех так нагло фамильярничая с генералом. – Что ты в самом деле взъелся? Ребята сели немного выпить, что тут такого?

– Уберите его отсюда! – орёт генерал, и пара солдат буквально силой, под руки, уволакивает полковника из караульной, хотя тот всё бубнит и что-то пытается объяснить генералу.

Волков же садится за стол и смахивает с него на пол объедки, отставляет от себя глиняные стаканы с остатками крепкого вина. Кажется, это портвейн.

Возвращается Хенрик и докладывает:

– Капитан Вилли сегодня ночует не в казарме.

– Вот как? У него, что, так много денег, что он может позволить себе квартиру в этом дорогом городе? – раздраженно спрашивает генерал.

– Да нет, он завёл себе бабёнку, – отвечает фон Флюген и улыбается. – У неё и спит.

Хенрик смотрит на юнца с раздражением, кажется, он хочет вlepить ему затрещину: не болтай лишнего, дурак!

Но слова уже сказаны. От злости у генерала перекосило лицо, он смотрит на Хенрика и выговаривает тому:

– Найдите мне любого трезвого офицера! Немедленно! – и прежде, чем оруженосец ушёл, успевает добавить: – И ещё Вайзингера, он должен был ждать меня тут.

Но как раз хранителя имущества герцога искать не пришлось.

– Я здесь, господин генерал, – произнёс тот за спиной у Волкова.

Хельмут Вайзингер был заспан, а костюм его был помят; видно, в пирушке он не участвовал, а спал где-то рядом и от шума проснулся и пришёл в караулку.

– А, вы тут? – Волков чуть успокаивается. Показывает хранителю имущества на лавку рядом с собой. – Идите сюда, садитесь.

– Да, господин генерал, – Вайзингер садится на указанное место. – Спасибо.

Волков смотрит на него внимательно, а потом вдруг спрашивает:

– Послушайте, Вайзингер, вы говорили, что у вас тут семья, дети... А у вас тут есть какое-нибудь имущество? Я имею в виду недвижимость.

Несколько секунд промолчал, думает, что сказать, а генералу его ответ уже и не нужен. Ему всё ясно – если бы ничего не было, хранитель ответил бы сразу: нет я снимаю жильё. Поэтому Волков продолжает:

– Значит, что-то у вас есть.

– То в приданое за жену получено, – начинает мяться Вайзингер, – Квартирка в доме на улице святого Андрея. Она маленькая, уютимся.

После этого у барона укрепляются сомнения, что этот человек верен гербу Ребенрее. Нет, конечно, никаких поводов сомневаться у него не было, был бы хоть один повод – он и разговоров с ним не вёл бы, но это жильё... Теперь генералу не было ясно, какое будущее выберет этот человек – останется ли предан герцогу или надумает жить в городе после того, как тут всё изменится. И тогда Волков произнёс:

– А вы знаете, что скоро в городе могут произойти перемены?

– Перемены? – не понял хранитель имущества.

– Да, – продолжал барон. – Возможно, что город вскоре изменит свою юрисдикцию, – он внимательно глядел на Вайзингера.

– А, так вы о том, что к городу вскоре придёт ван дер Пильс? – спокойно уточнил тот.

И это спокойствие очень удивило генерала.

– Так вы про это тоже слышали?

– Конечно; об этом на каждом рынке каждая торговка судачит, – теперь удивлялся уже хранитель имущества. – А разве вам ваши шпионы о том не сообщали?

И генерал не сразу нашёлся, что ответить.

Глава 11

А тут как раз вернулся Хенрик с ротмистром арбалетчиков Кальбом; старый вояка ничему не удивился, только спросил:

– Что прикажете, господин генерал?

– Дежурному офицеру стало нехорошо, – отвечал ему Волков, – подежурьте, ротмистр, до утра, до прихода полковника Брюнхвальда.

Ротмистр Кальб только хмыкнул и сказал: «Как прикажете, господин генерал»; и, поняв, что торчать рядом с людьми, которые сели за стол пошептаться, не нужно, пошёл пройтись по казармам, посмотреть, не дымят ли печи или ещё что не приключилось.

А генерал вернулся к теме, что не в шутку его тревожила:

– Так, значит, народ говорит, что ван дер Пильс вот-вот придёт?

– Ждут, ждут, – почти шепчет хранитель имущества. – Ещё с осени, и все очень грустили, когда он не смог дойти до города.

– То есть с осени, а сейчас..., – Волков начал понимать, что Вайзингер и сам толком ничего не знает о происходящем за рекой накоплении оружия, поэтому ничего такого ему не сказал. – Сейчас что говорят – когда придёт еретик? Слышали вы что-нибудь о том?

– Слышал, слышал, я о том и в Вильбург писал неоднократно, так и писал, что ждут здесь этого ван дер Пильса ещё до Пасхи.

– Ещё до Пасхи? – чуть удивлённо переспросил генерал. И стало ему очень неприятно от пришедшей в голову мысли.

«Чёртов пройдоха фон Виттернауф. Даже не соизволил мне о таких ожиданиях сказать. Ни словом не обмолвился, что тут еретика ждут так рано. Почему? Не хотел пугать, что ли? Или не верит в подобный поворот? Или думает, что я удержу враждебный город, набитый еретиками, с шестью сотнями людей, когда под стенами будет стоять войско ещё из пяти тысяч еретиков? А может быть, и вовсе из десяти? – от злости он сжимает губы в нитку. – Что герцог, что его барон... Жулики, пройдохи, вечно хитрят. Иметь с ними дело – всё равно что играть в кости с трактирными мошенниками».

Хоть и злился он опять на своего сеньора и его ловкого министра, но всё сейчас услышанное, всё понятое ещё больше укрепило его во мнении, что решение принято правильно и что ему нужно было действовать быстрее.

– Мне нужны эти ваши знакомцы, – после всех неприятных раздумий как-то сразу начал генерал.

– Знакомцы – это..., – Вайзингер не понимал.

– Ну, эти ваши тачечники и братья Вязаные колпаки. Хочу с ними встретиться. И так, чтобы о том больше никто не ведал.

И тут, в первый раз за всё время, что Волков знал хранителя имущества, тот заговорил без присущей ему елейности и вкрадчивости. Заговорил с бароном едва ли не как с равным:

– Если полагаете, что они помогут вам устроить в городе свару, то ошибаетесь, не будут тачечники вам помогать, и Колпаки не будут; я вам говорил, что они недовольны городскими порядками – да, недовольны, но это потому, что у них на всех в сенате всего один сенатор. И их самих ценят не больше, чем золотарей. В остальном у них всё хорошо. Может, рядовым жителям коммуны тут и тяжело жить, и человеку, с утра до вечера таскающему тачку, тоже, но главы гильдий живут неплохо. Очень неплохо, уверяю вас.

– Но вы же говорили..., – генерал снова почувствовал приступ раздражения. Только теперь он смог бы дотянуться до его источника. Авось не герцог и не министр, вот он, тут, перед ним сидит. Только руку протяни. Но руку ему протягивать не пришлось. Вайзингер продолжил:

– Я знаю, какой человек вам нужен.

– Знаете?

– Да, есть у меня один такой знакомец. Как раз такой, какой вам нужен.

– И кто же это?

– Я скажу, но сначала вы мне объясните, что вы хотите сделать, – всё так же твёрдо продолжал Вайзингер.

Но барон лишь усмехнулся ему в ответ и восхищённо потряс головой: да ты обнаглел, братец.

На что хранитель имущества отреагировал абсолютно спокойно:

– Понимаю вас, понимаю. Ваше недоверие вполне обосновано, – а после продолжил: – Я в этом городе уже давно, уже женился тут и обзавёлся детьми, но за всё время меня ни разу не

пригласили на городской пир, а ведь я представитель герба Ребенрее. Могли бы из уважения к герцогу позвать. Но нет... Меня за глаза называют холуём курфюрста. И мою жену обижают иной раз. Так что, когда вы спросили, имею ли я здесь недвижимость, я сразу сообразил, куда вы клоните. И скажу вам прямо, меня с этим грязным городом ничего не связывает.

Это было как раз то, что хотел услышать барон, но верить всему он не собирался, и тем более не собирался раскрывать свои планы этому безусловно хитрому человеку. А хитрец тем временем вдруг привстал, взял первый попавшийся стакан, оставшийся на столе после пирушки полковника Рохи, выплеснул из него на пол остатки вина, потом взял кувшин и потряс его – в нём плескалось содержимое. Он налил себе вина в стакан и, с удовольствием отпив, продолжил с усмешкой:

– Четыре года, четыре года каждый раз по весне эти недоумки из городского совета приходят ко мне и просят заплатить налог на недвижимость. Четыре года я показываю дуракам договор между городом и гербом Ребенрее и посылаю их к чёрту, и каждый раз они бесятся, негодуют и даже плюются; сдаётся мне, и этой весной припрутся просить денег. А ещё они не имеют права осматривать владения герба, вот я и стал тут припрятывать кое-что, если какие людишки просят. От этого их тоже зло берёт, они ведь всё знают, да ничего сделать не могут, – Вайзингер опять усмехался.

Да, всё это выглядело очень, очень правдоподобно, но вовсе не означало того, что после этого рассказа барон вот так возьмёт и раскроет хранителю имущества свои планы. И посему Волков только спросил:

– А что это за человек? О котором вы мне говорили?

– А, этот... Виг Вондель, которого кличут Черепахой. Первый вор и пройдоха города Фёренбурга. Колпаки и тачечники его сильно уважают, среди них многие с Черепахой дружат. Многие делишки вместе обделывают. Чернь часто любит таких пройдох.

– Виг? – произнёс задумчиво барон. Кажется, этот вариант не очень ему нравился.

– Его зовут Вигвар, а Черепахой прозывают, потому что он живёт в Вюльсвальде, в пяти верстах от города. Как набедокурит тут, так убегает туда, а там земля какого-то сеньора, который горожанам его не выдаёт. В общем, прячется там, как черепаха в панцире; если его в городе поймают – точно колесуют.

– И на что же он тогда годен? – с заметным разочарованием произнёс генерал.

– Он годен на всё, – отвечал хранитель имущества, – лишь бы деньги платили. А деньги ему всегда нужны. Да, всегда... Его сеньор, ещё тот сукин сын, вовсе не бесплатно ему пособляет. Вот Черепаха и старается. Он как-то сказал, что приносит своему господину денег больше, чем все его холопы, вместе взятые. Уверяю вас, барон, Виг – тот, кто вам нужен.

Волков посмотрел на этого безусловно хитрого человека с подозрением: этот Виг мне нужен? А откуда ты знаешь, что я задумал? А потом произнёс:

– Если его собираются колесовать, вряд ли он живёт в городе, а мне самому из города выходить никак нельзя, сегодня бюргеры моего сержанта обратно не пропустили. Он выехал утром, а днём ему запретили въезд.

– Я про то слышал, да... Весь город над вами потешается. Говорит, что вы ездили и умоляли стражу пустить вашего дурня-сержанта, да вам там нос утёрли, и убрались вы не солоно хлебавши, – без всякой снисходительности, а может, даже и посмеиваясь, рассказывал Вайзингер. – Но насчёт Вига вы не волнуйтесь, по ночам он тут хозяин. Виг знает, как сюда прийти и как уйти. Я устрою вам встречу, – заверил его хранитель имущества, снова отпивая вина из стакана. – Завтра в полночь я приведу его вам сюда.

– Ну хорошо, – согласился генерал нехотя. Во-первых, он всё ещё думал о том, что «весь город над ним потешался и что ему утёрли нос», это сильно раздражало его; а во-вторых, он всё ещё не был удовлетворён таким развитием событий: какой-то вор вместо глав гильдий и коммун. Мелковато всё это.

И, словно прочитав его мысли, Вайзингер продолжает:

– Заодно я переговорю с братьями Гляйцингерами и Гуннармом Кривобоком. Утром поговорю. Прощупаю их.

– Даже и не думайте, – строго произнёс генерал, опасаясь, что хранитель может сболтнуть лишнего.

– Да вы не волнуйтесь, барон, – тоном равного, к которому Волков уже начинал привыкать, заверил его Вайзингер, – это вы пришли сюда с шестью сотнями людей, у вас есть право на ошибку, а я тут один и, слава Богу, уже научился выбирать слова и задавать правильные вопросы. Ничего лишнего от меня они не узнают, просто спрошу, не хотят ли они заработать. Хорошо подзаработать.

Он снова выпил вина, а генерал смотрел на него не отрываясь, а потом спросил:

– Значит, собираетесь мне помочь?

– У нас один сеньор, – спокойно отвечал хранитель имущества.

– Надеетесь, он вас отблагодарит?

Хитрец снова выпил вина, вздохнул, а потом и заговорил:

– Нет, не надеюсь; даже не надеюсь на то, что меня отсюда переведут в какое-нибудь приятное место, просто я подумал как-то: вот придёт сюда ван дер Пильс, которого так ждут местные олухи, станет ли мне лучше жить тогда? – он качает головой. – Нет не станет, точно не станет. А если сюда придёт наш цу Коппенхаузен, которого ждёте вы – станет. Вы начнёте резать еретиков, будете их грабить... А они тут жирные, жирные... Так и к моим перстам кое-что прилипнет, заодно и с недругами своими, с обидчиками я поквитаюсь, – он приподнялся и снова налил себе вина из кувшина. – А неплохое винишко пьют ваши офицеры, – и добавил не очень-то весело: – Видно, платит им герцог исправно, не то что мне.

Теперь речи этого человека были ещё убедительнее, говорил он, конечно, гладко, но всё равно генерал не доверял ему и не собирался посвящать в свои планы.

«Пусть делами докажет, что ему можно доверять», – подумал барон, а потом и спросил:

– Ну а товары, что вы тут храните... Среди них есть и вещи этого вашего Вига Черепахи?

– Конечно, я храню его товары, их тут немало, товар у него хороший, дорогой, ждёт своего покупателя, – сразу отвечал Вайзингер, посмеиваясь. – А как иначе? Я же хранитель имущества, должность у меня такая.

Ещё немного подумав, Волков пришёл к выводу, что это и хорошо, что воры и пройдохи хранят тут своё наворованное. Да, это даже и хорошо. После он вздохнул и сказал:

– Ну что ж, приводите сюда своего Вига, поговорю с ним.

– Вот и слава Богу, – произнёс Вайзингер и, допив вино до дна, сказал: – Завтра в полночь буду тут с ним, а с Колпаками и тачечниками переговорю днём; о том, как прошёл разговор, сообщу вам в полночь.

– Будьте осторожны, – просил его генерал и протянул руку.

– Уж не беспокойтесь, барон, – заверил его хранитель имущества Его Высочества, пожимая ему руку. – Без осторожности меня бы тут давно прирезали.

Волков пошёл за ним к выходу, вышел в темноту ночи и оглянуться не успел, не успел на коня сесть и выехать со двора казармы на площадь, а Вайзингер уже исчез в ночном холодном дожде. И теперь генерал ехал по пустынным улицам, а сам размышлял о том, как бывает хитёр и умён человек. Так умён, что даже ему, повидавшему всякое, подобный хитрец покажется человеком пустым и никчёмным, хотя на самом деле будет умным и опасным. Или полезным. Хорошо бы, если так.

За этими мыслями генерал доехал до своего дома и буквально рухнул в перины, так как спать хотел невыносимо. Так, как давно не хотел. Тем не менее, успел перед тем наказать Хенрику чтобы утром звал к нему на завтрак прапорщика Брюнхвальда и оруженосца фон Готта. Для беседы.

Глава 12

В общем-то, звал он их для того, чтобы предупредить кое о чём, но ещё и порасспросить о том, как идут их дела. Как вообще поживает фехтшюле «Непорочной девы».

Томас поставил перед ними целый поднос ещё горячего хлеба. Тот был только что от булочника, который жил на соседней улице, всего в сотне шагов от дома, где остановился генерал. Вернее, то были булки и кренделя. Булки были очень жирны от сливочного масла и сладки, а на румяных кренделях лежали, как и положено, большие крупички соли. Сразу за хлебом Гюнтер внёс целое блюдо, где вперемешку лежали, ещё шкворча жиром, жареные с луком ливерные и кровяные колбасы. Кувшин с парным молоком, большая миска отличного мёда, потрошёная солёная сельдь (непотрошёную пусть чернь ест), свежее пиво и кофе – всё это быстро появлялось на столе перед молодыми людьми и бароном.

– Прошу вас, господа, – предложил приступить к завтраку генерал. Он сам прекрасно выспался и проголодался, так что вся эта еда и ему пришлась по вкусу. Гюнтер был молодец. А Максимилиан и фон Готт не заставили себя упрашивать, тут же прапорщик уложил себе на тарелку селёдку, а оруженосец потащил из сковороды целую кровяную колбасу. Он также разломил крендель и, макая его в горчицу, стал есть вместе с кусками колбасы.

– Ну и как у вас идут дела? – спросил генерал, тоже беря себе колбасу. – Как ведёт себя городской народец в школе? Всё ещё заносчивы? Всё ещё дерзки?

– Не так чтобы сильно... – отвечал фон Готт, расправляясь с кренделем и колбасой.

– Со мною вчера даже двое поздоровались, – добавил прапорщик, – позавчера я с ними выходил на поединок, мастер нас сводил – посмотреть, как я и они работают полуторным мечом и баклером. Другие подходили посмотреть, и я не стал их при товарищах сильно позорить, дал им показать, на что они способны.

Волков всегда знал, что молодой Брюнхвальд неглуп, и в этот раз он сделал всё правильно.

– И, значит, эти двое вчера поздоровались с вами? – чуть улыбаясь, спрашивал генерал, а сам жестом указал Томасу, что стоял у стены: налей кофе.

– Да, и уже не косятся, кажется, привыкают.

– Это очень хорошо, Максимилиан.

– И за мной ходят смотреть, – заметил фон Готт, ему тоже хочется внимания генерала. – Станут и смотрят, как я с мастером работаю.

– Прекрасно, господин фон Готт. И много там сильных бойцов?

– Не так чтобы очень, – заносчиво отвечает фон Готт и добавляет с пренебрежением: – В основном там юнцы. Много желания да мало умения. Ежели насчёт шеста или копья, так мастеров немного.

– Но есть и сильные бойцы, – замечает Максимилиан, – тот же Гассен, тот же Фриц Гольденрайм.

– А ещё Фриц Кёниг, – вспомнил Максимилиан. – Он лучше меня владеет мечом. Он там вообще лучший.

– Да не лучше вашего он держит меч, – заметил фон Готт, уже заканчивая с колбасой.

– Ну и не хуже, – настаивал молодой Брюнхвальд. – Нет, не принижайте его, Людвиг, он отменный боец. Необыкновенно быстрый, и кисть у него хороша.

Но оруженосец не согласился с прапорщиком; только Волков не дал разгореться этому, скорее всего, беспочвенному спору и произнёс:

– Скоро в вашей школе появится человек, которого вы хорошо знаете, – тут он сделал паузу, чтобы оба молодых человека прекратили жевать и слушали его. – Вы и бровью не должны повести, вы его не знаете, первый раз видите.

– А кто это будет? – сразу спросил фон Готт.

А вот Максимилиан не заинтересовался, он как старший товарищ произнёс, хотя и с каплей весёлости:

– Не интересуйтесь, то не наше дело, Людвиг, надобно будет – нам про то скажут. А наше дело – приручать диких бюргеров к вежливости и прививать им добродушие.

– Умно сказано, – смеётся фон Готт.

– Хорошо, что вы всё понимаете, – улыбался Волков. – Ну что, господа, кто желает выпить кофе?

– Благодарю вас, господин генерал, – вежливо отказывается молодой Брюнхвальд.

В общем, оба молодых человека наотрез отказываются от кофе, оруженосец ещё и морщится, как будто ему предложили какую-то дрянь. Это даже немного огорчает генерала. Он всё никак не может понять, почему кроме него, ну, ещё его жены и госпожи Ланге, никто не пьёт кофе. Люди не понимают вкуса напитка.

– Ну раз так..., – Волков внимательно смотрит то на одного, то на другого. – То купите-ка ещё одну бочку вина.

– И что? И отвезти её в школу? – с сомнением спрашивает прапорщик.

– Опять опрокинут, – предрекает оруженосец.

Кажется, они всё ещё не верят в успех предприятия с вином, но генерал настаивает:

– Ну и ничего, опрокинут так опрокинут. Вы купите и привезите. Мол, вы люди простые и зла не помнящие. Истинно верующие и прощающие, – он встаёт, берёт с комода пару монет и, вернувшись, кладёт их перед Максимилианом. – Купите, привезите и поставьте, как в прошлый раз.

– Да, господин генерал, – отвечает прапорщик, забирая серебро.

Приехал в расположение, а там суета. Карл Брюнхвальд с утра лютует, спал, что ли, плохо. Даже позавтракать никому не дал. Строит людей во дворе при доспехе и оружии. То есть по полной выкладке. Строит всех. И роты Лаубе, и мушкетёров, и арбалетчиков. Места мало, всем сразу стать негде, на смотр выходят по очереди, но, судя по всему, и кавалеристам тоже придётся седлать лошадей и надевать латы.

Волков никогда Брюнхвальду ничего на сей счёт не советует, Карл лучше него знает, как держать в ротах дисциплину. Сам генерал – может оттого, что вышел из простых солдат, – всё норовил дать подчинённым поблажку. Хоть на марше, хоть в рации, хоть в дозорах и караулах – в общем, хоть как-то облегчить жизнь солдата.

Брюнхвальд же с молодых ногтей был офицером и дорос до полковника он как раз с мыслью, что лучшие отряды – это отряды, спаянные умениями и дисциплиной. Поэтому в первую очередь был требователен к молодым офицерам и особенно к сержантам.

Знание команд, чёткость их выполнения и дисциплина. Дисциплина! В этом и крылся успех, по мнению полковника Брюнхвальда. Волков с ним не спорил, он и сам уже чувствовал, что время лихих кондотьеров, меняющих нанимателей едва ли не каждый месяц, время малых военных корпораций, которое он застал в молодости, уже ушло. Ну или уходит. Вместе с роскошной рыцарской конницей и солдатской вольницей. Наступали времена артиллерийских батарей, мушкетёрских линий и ровных терций. Правда, не все ещё это понимали, а вот Карл Брюнхвальд, кажется, понимал и, несмотря на протесты представителей солдатских корпораций, палкой загонял солдат в новые времена.

Когда Волков спешил и подошёл к нему, полковник поклонился.

– Доброе утро, господин генерал.

– Доброе утро, Карл. – Волков огляделся, но не нашёл во дворе полковника Роху, вместо него с мушкетёрами стоял лишь капитан Вилли. – Вижу я, вы решили встряхнуть людей поутру.

– Нет ничего хуже гарнизонной жизни, – пояснил Брюнхвальд. – Разве что понос.

– Надеюсь, с поносом у нас всё в порядке?

– С поносом всё хорошо, за кашеварами я слежу, за отхожим местами тоже, вот только с водой у нас беда.

– Что, мы выпили наш колодец? – догадался генерал, взглянув на тот колодец, что был во дворе казарм.

– Хотя и река тут близко, но, кажется, не сегодня-завтра допьём, придётся брать воду в других колодцах, – отвечал ему полковник.

А ведь думал генерал, ещё когда отсматривал казармы в первый раз, что одного колодца на шесть сотен человек и почти на шестьдесят лошадей нипочём не хватит. Как бы ни был он хорош.

– Не хотелось бы... – задумчиво произнёс генерал.

– Простите? – не расслышал полковник.

– Не хотелось бы давать бюргерам ещё один повод для злости; начнут скулить, что мы, дескать, ещё и их колодцы опорожняем, – объяснил Волков. – Местные злы...

– Это точно. Сегодня один сопляк кидал в моего коня черепками разбитого горшка, острым краем порезал бок лошади, – рассказывал Брюнхвальд, – я обещал взгреть его плетью, так он сказал, что скоро меня взгреют и что я холуй курфюрста.

– Они здесь всё ждут ван дер Пильса, – произнёс генерал.

– Да, я про это тоже уже слышал, – произнёс полковник.

– А про то, что он придёт до Пасхи, тоже слышали?

А вот про это, судя по его удивлённому взгляду, Карл Брюнхвальд слышал впервые. Он долго смотрел на генерала, а потом и сказал:

– Если это правда... нужно что-то делать.

– Я пытаюсь, Карл, я пытаюсь. – отвечал ему Волков, а потом и сам спрашивал: – А где наш полковник Роха? – честно говоря, генерал подозревал, что весь этот смотр является прямым последствием ночной пирушки одноногого полковника.

– Ему нездоровится, – многозначительно ответил Брюнхвальд. Но теперь его, конечно, стал волновать совсем другой вопрос. – Господин генерал, так насколько оправданы эти слухи, про то, что ван дер Пильс придёт до Пасхи?

– Наш сержант Манфред видел один обоз... Похоже, что еретик и горожане уже сейчас готовят магазины вокруг города. Так что он с малым обозом может прийти и по распутице, – отвечал ему Волков. Но рассказывать о большем ему не хотелось. Сам ещё толком ничего не знал, а посему и не хотел плодить тревогу. – Главное, Карл, вы занимайтесь солдатами. Будем надеяться, что это только слухи.

– А если вдруг..., – Брюнхвальд никак не хотел заканчивать, – а если вдруг... вдруг это не слухи? Как же мы тогда будем оборонять город, когда тут все против нас?

– А никак, – спокойно отвечал генерал. – Как только я узнаю, что враг идёт к городу... наверняка узнаю... так сразу выведу отсюда людей.

На центральной площади в разгар дня не протолкнуться. Обед уже давно закончился, до ранних зимних сумерек два часа, а торговля всё в самом разгаре. Тачки, телеги, грязь, ругань. Впрочем, неудивительно: тут главный рынок процветающего города и совсем рядом, только заверни за угол – кафедрал; как говорят святые отцы, посмеиваясь друг над другом, седалище епископа. Тут и помолиться, и прикупить необходимого можно, и выпить в близлежащих харчевнях. Опять же тут, вдоль задней стены городского совета, одна к одной стоят, расположенные к рынку распахнутыми ставнями, роскошные лавки менял, что на южный, ламбрийский манер даже здесь именуются «банками». Там, под навесами и рядом с дымящимися жаровнями, солидные люди в мехах и бархате пальцами в золотых перстнях целый день перебирают монеты, что попали к ним со всех концов ойкумены.

Здесь, совсем рядом, перед большой лужей, стоят доски, к которым прибываются постановления и распоряжения городского сената или приказы бургомистра. Здесь всегда можно узнать о новых налогах, ввозных пошлинах или, к примеру, о ближайших казнях. Или ещё о чём-нибудь интересном. А тем, кто не умеет читать, упитанный герольд в расшитом золотом колете, протрубив предварительно в трубу для привлечения внимания, прокричит последние указы и распоряжения свои зычным голосом.

Генерал терпеть не мог главные рыночные площади. Будь это роскошный Ланн или чопорный Вильбург – коли день базарный, так не отличить его будет от Фёренбурга. Та же грязь, та же суета, то же столпотворение. В общем, брань, вонь и толчея.

Но барон не просто так сюда приехал. Он оставил свою охрану и лошадей на забитой телегами улице, а сам, лишь с Хенриком и фон Флюгеном, пошёл в торговые ряды, в самую толчею, не смущаясь сутолоки и не боясь испачкаться. Те из людей, кто тут торговал, или горожанки с корзинами, случайно обращая на него внимание, удивлялись: не каждый день можно было увидеть на базаре подобного господина при мече, да ещё и при добрых людях, что пытались оградить его от всяких встречных людишек. Но большинство его не видело, все были заняты делом. А барон как раз шёл по мясному ряду, разглядывал мясо, что выкладывали на прилавки крепкие мясники или селяне, продававшие привезённое из деревень. Шёл, останавливался, слушал разговоры, интересовался ценами – удивлялся. Через реку от Эшбахта баранину можно было купить по бросовой цене, горцы водили по своим прекрасным долинам не только коров, но и большие стада овец и прибыльно торговали с Нижними землями шерстью, отвозя её вниз по реке; но баранина была там дешёва, раза в три дешевле, чем тут. Да и на свинину здешняя цена отличалась от цены в Малене раза в два. Да, что ни говори, а близость богатых Нижних земель и серебряных рудников Эксонии в этом городе была очевидна. Серебра и золота здесь было в достатке, вот почему герцог вцепился в этот город, как голодный пёс в кусок мяса.

Впрочем, он пришёл в это место вовсе не для того, чтобы интересоваться ценами. Его интересовало кое-что другое. Тут как-раз и началось то, зачем он сюда пришёл. Протяжно и звонко, перекрывая базарный шум, зазвенела труба, оповещающая добрых горожан города Фёренбурга, что герольд взобрался на помост и начинает читать городские новости.

– Добрые граждане славного города Фёренбурга, а также гости, слушайте постановление уважаемых сенаторов. С сего дня проезд по улицам Святой Анны, и по улице Оружейников, и по Козлиному переулку для телег всяких воспрещён вплоть до будущих распоряжений. Также совет города объявляет набор всякого люда на чистку отводной канавы, что у западных ворот; всем, кто желает заработать, приходите к городской ратуше и справляться у второго писаря городского совета Нойлинга...

Громко, чётко, чуть ли не на весь рынок вещал городской герольд. Потом всё тем же прекрасно поставленным голосом герольд повторил всё это ещё раз, и генерал наконец дождался. Глашатай перешёл к частным объявлениям.

– Купец Бёттцель выдаёт свою вторую дочь Ханну замуж и в воскресенье после венчания будет раздавать у храма святого Марка хлеба и сыры всем желающим. А торговый гость из Фринланда Фердинанд Константин Зальцер устраивает в фехтовальной школе «Непорочной девы» турнир с богатыми призами. Всем горожанам, что желают принять участие, записаться на турнир можно у распорядителя турнира Шпенглера или его помощника Киммера.

Волков выдохнул. Значит, дело пошло. Всё-таки Сыч молодец, успел за утро и день всё сделать. У генерала даже немного улучшилось настроение. Он с самого утра находился в напряжении – и когда завтракал с молодыми офицерами, и когда был в казармах, и даже когда обещал, камень неизвестности с души у него не спадал: получится у Фрица Ламме? Не получится? И вот теперь ему оставалось дожидаться вечера, чтобы выяснить подробности, а также оценить текущие и будущие расходы. Кажется, дело пошло.

Глава 13

Барон не мог дожидаться вечера, дело стронулось, и теперь ему нужно было всё знать о происходящем. Теперь, когда отступать было поздно, – деньги-то уже потрачены, – он не находил себе места от нетерпения и желания ускорить дело и улучшить его. Посему завтракал без аппетита и всё смотрел и смотрел за окно – ну когда же уже вечер? Едва начало темнеть, велел зажечь лампы и взялся за книгу. Нужно было подождать, пока последние посетители церквей разойдутся по домам, а пьяницы разбредутся по трактирам. Но и книга не читалась, не мог он проникать в изящный язык прашуров, когда все мысли его были о встрече с Фрицем Ламме, ну и о том самом Виге Вонделе, которого кличут Черепахой и которого обещал привести хранитель имущества Вайзингер. Обе эти встречи для начатого дела были важны одинаково. В общем, он еле дождался восьми часов вечера, прежде чем звать Хенрика и просить того седлать лошадей. Поехал опять без большой охраны, были с ним лишь Хенрик, фон Готт и самые умелые сержанты Грифхоппер с Готлингом. Все в доспехе, при заряженных пистолетах, а у Готлинга была ещё и аркебуза; теперь он ещё больше стал думать о безопасности, но как-то совмещать безопасность и скрытность было непросто. Посему сначала из дома выехали фон Готт и Готлинг, они проехали по всей улице Жаворонков, заглянули в проулки и, лишь не найдя никого подозрительного, дали сигнал всем остальным выезжать. И даже после этого, свернув на одну тёмную и узкую улочку, Волков велел всем остановиться и спрятаться. И так прождали некоторое время, чтобы убедиться, что за ними никто не идёт. Было холодно, но он ждал в продуваемом ветром проулке, пока не стало ясно, что слежки нет. Только тогда барон продолжил путь и вскоре был у дома, что снимал Фриц Ламме. И тот сразу спустился и сам открыл ему дверь, как только Хенрик кинул ему в ставень камушек. Было видно, что ждал гостей.

От Сыча снова пахло вином, этот запах генерал ещё на лестнице почувствовал, когда шёл за ним. Да-а... Волков подошёл к столу, который его хитрый помощник накрыл к его приходу, взял кувшин, заглянул в него, понюхал содержимое, а потом и попробовал его. Всё-таки дураком Фриц Ламме не был. После того как барон принёс ему целый мешок серебра, он пил очень неплохое вино... Волков и сам не побрезговал бы бочонком такого. Но пришёл он сюда не за вином.

– Ну, рассказывай.

Поначалу его помощник изрядно напугал барона, когда начал извиняться и ругаться заодно:

– Экселенц, ей-Богу, это какие-то сволочи... Клянусь, я не виноват... Весь город – просто упыри, навозные жуки и ублюдки, один жаднее другого, – но генерал почувствовал себя легче, когда он продолжил: – Им хоть глаза коли, но не уступят ни монеты.

– Это ты про что? – уточнил Волков.

– Да про всё..., – Сыч стал разливать вино. – Хоть про ту же вашу чашу из золота.

– Что, не уступал тебе еретик?

– Эх, экселенц, – вздохнул Ламме, а потом и засмеялся. – Ей Богу, уже хотел порешить свинью, там как раз кроме него никого не было, но подумал, что тогда чашу нельзя будет выставить на турнир.

– Ну и...

– Экселенц, хотите верьте, хотите нет, но эта сволочь не захотела уступать больше семи талеров, пришлось выложить ему двести шестьдесят три монеты, легче было убить его, чем подвинуть ещё хоть немного.

Волков же вида не показал, что обрадовался такой цене, уж ему-то проклятый торгаш предлагал купить чашу намного дороже; генерал лишь махнул рукой и спросил:

– Ну, а в школе-то как дело пошло?

– О! – тут Фриц Ламме заулыбался, – как узнали, для чего я пришёл, так тут же послали за хозяином школы, а меня и не знали, куда усадить. Хозяин пришёл запыхавшись, – Сыч сме-

ётся, – уж думаю, не бежал ли. А как я показал ему чашу и сказал, что на четыре дисциплины ещё денежных призов дам, так он меня едва ли не братом единоутробным посчитал; уж как меня увещал, как обхаживал, – и тут Фриц Ламме снова стал серьёзным, – а потом и говорит: а дай-ка мне за два дня аренды школы восемьдесят пять талеров. Говорю же, весь город – сплошь сквалыги. Видано ли дело?! Больше сорока монет в день, уж не знаю точно, но за такие деньги в Малене можно, наверное... ну, не знаю даже... ратушу арендовать...

– Ладно, ладно... На сколько уговорились?

– Ну, на восемьдесят, а он обещал, что помосты для господ ставит за свой счёт, с меня только вино и закуски.

– Про судий говорил с ним? – генерала, кажется, этот вопрос волновал более других.

– Говорил, говорил, – кивает Сыч. – Судий будет восемь, все люди мастера разных дисциплин, из разных мест. Я просил его, чтобы он не брал еретиков, он сразу согласился. Говорит, раз вы заказчик, значит, и правила ваши.

– Вот и хорошо.

Волков ещё по началу дела думал, что со всем этим турниром хлопот больших не будет. Так и оказалось; теперь же он прикидывал, как пойдёт всё остальное.

И тут он уже не был так уверен. Дай Бог, чтобы Вайзингер оказался человеком таким, каким кажется, то есть умным и серьёзным, и дай Бог, чтобы этот его вор по кличке Черепаха пришёл сегодня на встречу. В общем, после того как с турниром всё, кажется, налаживалось, барон думал о следующем своём шаге. Сидя у Сыча и попивая неплохое вино, даже задавая вопросы верному своему помощнику и слушая его ответы, он уже думал о встрече, что должна была состояться в полночь в казармах. Фриц Ламме всё говорил и говорил, казалось ему ещё многое хочется сказать, о многом спросить, но барон засобирился в дорогу:

– Ну что, Фердинанд Константин, – он усмехнулся, – пора мне, а ты не пей сегодня больше, ложись. Завтра, как позавтракаешь, езжай проверь, как идут дела, узнаешь, много ли народа записалось. Посмотришь, как ставят помосты.

– Экселенц! Вы, что, уже? – удивился Ламме. – Куда же вы? Я и вина дорогого купил. Тут ещё есть об чём подумать. Потолковать.

– Вино и вправду неплохое. Но мне недосуг, у меня ещё есть дела.

– Так ночь же! – настаивал Сыч. – Темень на улице, дождь!

– Всё как раз для наших с тобою дел, – нехорошо улыбался барон.

Он приехал в расположение. Дежурил в эту ночь капитан Лаубе, с ним был один из его ротмистров. На столе стояло пиво и хлеб с селёдкой. Никакого весёлого разгула. Перекинувшись с капитаном парой слов, он прошёлся по казармам и убедился, что в помещениях не очень холодно. Потом вернулся в комнату дежурных офицеров и сел за стол, и почти сразу появился Вайзингер; Волков уже начал думать, что он пришёл один, и посему чуть огорчился, но, покивав офицерам, хранитель имущества наклонился к генералу и тихо произнёс:

– Люди ваши моих людей на двор не пускают, распорядитесь пропустить.

– А много ваших людей? – удивился и обрадовался генерал. Он думал, что этот Вайзингер приведёт одного вора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.